

ЖАК ПЁШЕ

МЕМОУАРЫ

извлечённые из архивов
парижской полиции

Том V

Перевод с французского

Жак Пёше

**Мемуары, извлеченные из архивов
французской полиции. Том V**

«Автор»

2026

Пёше Ж.

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том V / Ж. Пёше — «Автор», 2026

Пятый том «Мемуаров из архивов парижской полиции» Жака Пёше переносит читателя во Францию последних лет Наполеоновской империи и эпохи Реставрации Бурбонов. За официальным фасадом власти раскрывается мир тайных агентов, доносов, политических заговоров и придворных интриг. Автор рассказывает о министре полиции Савари, дерзком выступлении генерала Малле, возвышении Деказа и преследовании противников режима. Полицейские донесения соседствуют с историями мошенничества, шантажа и мести — в том числе с поразительной историей Франсуа Пико, жертвы ложного доноса. В центре книги — механизмы политического сыска: как слежка, провокации и секретные распоряжения влияли на судьбы людей и борьбу за власть. Это пристрастный взгляд современника на закулисы французской истории первой трети XIX века. Оригинальное издание отнесено к категории общественного достояния, перевод защищен авторским правом.

© Пёше Ж., 2026

© Автор, 2026

Жак Пёше

Мемуары, извлеченные из архивов французской полиции. Том V

МЕМУАРЫ ИЗ АРХИВОВ

ПАРИЖСКОЙ ПОЛИЦИИ

Материалы к истории нравов и полиции со времён Людовика XIV до наших дней
Ж. Пёше,

архивариус полиции.

ТОМ V

ПАРИЖ

Бурмансе, издатель,

улица Гран-Огюстен, 20.

1838.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава LXVII. Генерал Савари, герцог Ровиго 3

Глава LXVIII. Граф Англес 20

Глава LXIX. Граф Эли Деказ 34

Глава LXX. Различные анекдоты 72

Глава LXXI. Предусмотрительность Деказа 96

Глава LXXII. Политическая тактика Деказа. Поль Дидье 109

Глава LXXIII. Письмо и донесение о выборах 129

Глава LXXIV. Талейран в опале. Алмаз и месть 151

Глава LXXV. Посещение подземелий Сент-Женевьев 189

Глава LXXVI. Генеральные директора полиции 207

Глава LXXVII. Барон Дандре 224

Глава LXXVIII. Барон Мунье 230

Глава LXXIX. Франше-Десперей 238

Глава LXXX. Ги Делаво 250

Глава LXXXI. Тайная и политическая полиция Делаво 275

ГЛАВА LXVII

Генерал Савари, герцог Ровиго, одиннадцатый министр полиции. — Его деспотизм. — Его распоряжение относительно домашней прислуги. — Его прозвали Сеидом-доносчиком. — Преследование Жака Делиля. — Вмешательство Наполеона. — Госпожа де Сталь. — Заговор генерала Малле. — Белый негр. — Герцог Ровиго отдаляется от Наполеона. — Он ведёт переговоры с иностранными державами о своём прощении. — Князь Талейран привлекает Юлена, чтобы возложить на Савари ответственность за смерть герцога Энгиенского.

Если бы я писал сатиру, я, несомненно, углубился бы в подробности частной и военной жизни герцога Ровиго. Немногие люди пользовались большим счастьем, немногие давали столько поводов для насмешек и злословия. Человек хитрый, но весьма посредственного ума, временами столь же преданный Наполеону, сколь и готовый его покинуть, он привнёс в исполнение своих обязанностей отвратительное самолюбие и полную неспособность к делу. Тем самым он не только сделался невыносимым для всех, но вдобавок заставил ненавидеть своего

повелителя; он не сумел сохранить свою честь ни последовав за ним в первое изгнание, ни искренне примкнув к Реставрации. Его неуклюжее честолюбие дерзнуло предпринять искусный ход, но сил довести его до успеха у него не оказалось. Он был повержен человеком, с которым было неблагоприятно вступать в состязание, и потерпел поражение, оказавшееся для него горше всех предыдущих.

Наполеон находился на вершине своего могущества, и его империя блистала величайшим великолепием. Его слава и процветание ставили Францию на первое место среди европейских держав. Фуше, предшественник Савари, установил прочный порядок во всех отраслях высшей полиции и в зависящих от неё мероприятиях. Таким образом, генерал Савари мог без труда продолжать держать бразды управления, не нуждаясь в продолжительном и тягостном обучении. Однако сам Савари утверждает вовсе не это. Если ему верить, то, оказавшись после своего назначения в совершенно новом для него мире, он обнаружил всю внутреннюю организацию расстроенной, важнейшие документы исчезнувшими, а некая тайная рука вероломно похитила списки титулованных шпионов из высшего общества, которым было поручено наблюдение за парижскими салонами. Но эти утверждения вполне могут быть поставлены под сомнение и легко объясняются безмерным тщеславием герцога Ровиго. Даже допуская исчезновение списков знатных шпионов, мы имели бы здесь лишь случай, несомненно хорошо знакомый министрам этого ведомства. В самом деле, вполне понятно, что ради интересов службы администратор соглашается скомпрометировать перед самим собой некоторых уступчивых друзей, но вправе ли он считать себя уполномоченным вознаграждать подобную услужливость, закрепляя своих друзей за службой у собственных преемников? Мы так не думаем.

Но как бы то ни было, бесспорно одно: Фуше установил в этой части государственного управления замечательный порядок. Колёса этой искусно устроенной машины вращались почти сами собой; естественно, они должны были прийти в расстройство вследствие вторжения такого человека, как Савари. Его тон, свойственный дурному обществу, грубые манеры и резкость обращения с самого начала испугали или оттолкнули людей, привыкших к изысканному обхождению Фуше. Все отступили, окружив нового министра своего рода оградой одиночества, внутри которой он оказался немало стеснён, подобно тем грозным божествам, чьи изображения покрываются плесенью вследствие почтительного удаления их поклонников.

Этот культ оставления в одиночестве, которым почтили преемника Фуше, был, разумеется, вовсе не заговором чиновников, а серьёзным проявлением общественного мнения. Когда Савари был призван возглавить министерство полиции 3 июня 1810 года, все составили себе самое устрашающее представление о том, каким образом будет управляться это ведомство. Смятение было мгновенным и всеобщим. Оно настолько поразило самого Савари, что в своих «Мемуарах», сочинении гораздо менее правдивом, чем многие другие произведения того же рода, он не преминул прямым признанием засвидетельствовать недоброжелательность, с которой столкнулся с самого вступления в должность.

Господин Дюбуа ещё оставался префектом полиции, когда герцог Ровиго сменил Фуше. То ли последний претендовал на право назначать служащих этой подчинённой администрации, то ли это вытекало из молчаливого соглашения, но новый министр начал с того, что присвоил себе назначение высших чиновников. Таким образом, он сделался диктатором в собственном управлении, присвоив себе право прямого и непосредственного вмешательства во все дела своего ведомства и лишив подчинённых естественных преимуществ, связанных с возложенной на них ответственностью. Это был деспотизм в малом масштабе. Господин Дюбуа не осмелился бороться. Впрочем, его опала, вскоре последовавшая за переменой министра, не оставила ему времени подумать о сопротивлении. Что касается барона Паскье, который в том же году, 14 октября 1810 года, сменил господина Дюбуа, то и он не выразил никакого протеста против узурпации министра.

Савари начал свою деятельность с ошибок, обнаруживших его неспособность. Одно довольно занятное приключение, случившееся с ним незадолго до назначения в министерство полиции, приключение, о котором я расскажу читателю несколькими страницами ниже, внушило Савари безумную мысль возложить на хозяев обязанность шпионить за своей прислугой. Каждому хозяину или хозяйке дома, как частного, так и общественного заведения, предписывалось представлять комиссару полиции подробный отчёт о том, что совершил за время своей службы слуга или служанка, просившие расчёта либо получавшие увольнение. Подобный способ полицейского надзора заключал в себе необходимость столь низменного доносительства, что остался без исполнения, поскольку был, по существу, неисполним. Ранее уже пытались заставить слуг шпионить за хозяевами — мысль дурная, но осуществимая. Герцогу Ровигу было суждено попытаться осуществить противоположную сторону такого предприятия — мысль постыдную и неосуществимую. О первом виде шпионажа говорили, что он был изобретён господином, опустившимся до положения лакея; о втором говорили, что он непременно должен был быть замыслом лакея, возведённого в ранг господина. Но мы уже заявили и повторяем вновь: всеобщее отвращение сломало в неумелых руках Ровига оружие, которое могло бы стать гибельным для общественного спокойствия.

Суровые меры, увеличение числа государственных тюрем, открытых и наполненных несчастными, роскошь притеснительного надзора над испанскими принцами, содержащимися в Валансе, над господином де Полиньяком и другими политическими заключёнными; усиление строгости как по отношению к английским пленникам в Вердене, так и по отношению к заключённым вообще, жестокая суровость, проявленная к итальянским священникам, епископам и кардиналам, подданным папы, которые не пожелали признать верховенство Наполеона; наконец, придиричивый, грубый и злобный надзор, в конечном счёте ненавистный всем сословиям и каждому человеку в отдельности, обрушился на Париж, который своим добродушием или недовольством ответил на это бедствие прозвищем. Савари стали называть Сеидом-доносчиком.

Он даже задумал преследовать Жака Делиля, безобидного аббата, переводчика «Георгик» и автора поэмы «Воображение». Чтобы воспрепятствовать этому жестокому поступку, понадобилось вмешательство самого императора. «Савари, — сказал он, — гений не относится к ведению полиции. Ради моей славы и вашей чести не будем мучить муз. Позвольте этому достойному старику умереть спокойно и с его убеждениями. Если он и не пользуется моей любовью, то пользуется моим уважением».

Эти возвышенные слова, произнесённые в присутствии господ де Фонтана и де Шапталя, были повторены ими при мне у архиканцлера во время обеда в небольшом обществе. Эти господа передали нам их как сказанные тем же утром за завтраком императора.

Этот случай даёт нам повод пожалеть о том, что Наполеон не всегда проявлял столь великодушную заботу о свободе писателей своего времени. Но в данном случае великодушие его чувств, по правде говоря, не слишком дорого ему обходилось, и преклонный возраст аббата Делиля должен быть принят во внимание. Если бы аббат, не любивший императора, был на двадцать лет моложе, его, несомненно, предоставили бы Савари. Наше замечание имеет целью лишь воздать кесарю кесарево, а комедии империи — то, что ей принадлежит.

Но вернёмся к нашему жизнеописанию.

По единодушному мнению, герцог Ровигу был далеко не последним среди тех, кто торопил развязку этой волнующей и столь быстротечной трагедии, каковой стала смерть герцога Энгийенского. Мемуары той эпохи также возложили на Савари ответственность за происшествие иного рода. Но последнее замечательно прежде всего своей нелепостью: мы говорим о борьбе, открыто развернувшейся между министром полиции и госпожой де Сталь. Эта выдающаяся женщина так же сурово обходилась с ним на глазах современников, как он сам неучтиво преследовал её при содействии своих сыщиков. На письма необыкновенной красоты и силы,

которые она писала и в которых защищала своё дело с сокрушительным красноречием, ей отвечали самыми низменными преследованиями. Здесь дело обстояло не так, как с аббатом Делилем, который за всю свою жизнь не надувал ничего, кроме пастушеских свирелей; император и в эту распрю вмешался, но известно каким образом.

Герцог Ровиго и без того был весьма ненавистен; но, чтобы окончательно погубить его в общественном мнении, понадобилось, чтобы разразившийся заговор не имел иных последствий, кроме заключения в тюрьму самого министра, обязанного предвидеть его, предупредить и заключить в тюрьму заговорщиков. Читатель уже понял, что речь здесь идёт о заговоре генерала Малле. Герцог Ровиго изложил его историю с такими умолчаниями и столь лживыми объяснениями, что события в его рассказах оказались совершенно искажены.

Господин де Малле, бригадный генерал, родившийся в Доле, во Франш-Конте, 28 июня 1754 года, после почётной и блестящей карьеры впал в императорскую немилость, поскольку принадлежал к небольшому кругу офицеров, открыто преданных генералу Моро. Будучи женатым человеком и отцом семейства, он тем не менее продолжал заниматься заговорами, что встревожило полицию, которой Наполеон предоставил его судьбу. Заключённый в государственные тюрьмы, переведённый наконец в Париж, в лечебное заведение, этот человек, одарённый одним из тех умов, которые потрясают империи, обладавший той душевной отвагой, которая делает возможным всё и не допускает в отношении самого себя ни одного из тех малодушных предательств, от которых гибнут замыслы обыкновенных людей, Малле один организовал и один осуществил (ибо если у него и были орудия, то вполне позволительно отрицать, что у него были сообщники), один, повторяем мы, Малле задумал и привёл в исполнение самый искусно подготовленный и самый дерзко осуществлённый заговор из всех, какие известны нам по древней и современной истории. В отсутствие Наполеона, когда Париж был почти совершенно лишён войск, Малле решил, что, пользуясь своим генеральским чином, сможет без единого удара овладеть столицей империи; и он это сделал. В течение нескольких часов Малле был хозяином Парижа. Сержант городской стражи, которого он сделал своим секретарём и адъютантом, трусливый и болтливый аббат, которого он использовал сначала как ширму, а затем как фашину, наконец, двое заключённых, его товарищи по оружию, генералы Гидаль и Лаори, которых он использовал как официальные знаки, признаваемые солдатами, но которые сами ничего не знали, — вот те средства, которыми располагал и которыми воспользовался генерал Малле.

23 октября 1812 года, когда Наполеон сражался с русскими, стихиями и голодом в четырёхстах лье от Парижа, Малле, находившийся тогда, как я уже говорил, в лечебном заведении в предместье Сент-Антуан, надевает генеральский мундир, отправляется в Ратушу, объявляет там о смерти императора и о необходимости подготовить помещение, где должно собраться собрание, которое без перерыва обсудит меры, подлежащие принятию. Он заранее подготовил войска из нескольких казарм, которые должны были явиться на площадь перед Ратушей и действительно туда явились. Оттуда Малле отправляется к генералу Савари, объявляет ему, что имеет приказ арестовать его, что правительство переменялось и что он должен доставить министра в тюрьму Форс. Савари позволяет увести себя без споров и без сопротивления. Этот удар ошеломил его. В Форсе он обнаруживает барона Паскье, префекта полиции, которого постигла та же участь.

Закончив это двойное дело, Малле спешит на Вандомскую площадь, к парижскому коменданту генералу Юлену; но здесь заговор терпит неудачу; двойная дверь губит всё, крики женщины изменяют ход событий: Юлен был уже арестован и передал свою шпагу Малле, когда госпожа Юлен, умоляя и обливаясь слезами, потребовала от имени своего мужа предъявления приказа об аресте, на что Малле ответил выстрелом из пистолета в генерала в упор. Госпожа Юлен убегает; одного из солдат, находившихся в доме, посылают через служебный выход за

помощью: выход оставался свободным, и этот человек сумел выбраться; он возвращается со стражей; начальник штаба Дусе арестовывает Малле: заговор прекращает своё существование.

В самом деле, вскоре генералы Гидаль и Лаори также были арестованы и вместе с Малле брошены в застенки Форса, из которых тогда вышли, краснея от стыда до самых ушей, герцог Ровиго и барон Паскье.

Малле, Гидаль, Лаори, полковник Сулье и несколько младших офицеров заплатили жизнью за эту попытку. До сегодняшнего дня подлинные её причины остались неизвестны. События 1830 года не позволяют мне завершить здесь разоблачение, которое я мог бы сделать, но отсрочка ничего не лишит своего значения. Другому перу, не моему, предназначено приподнять последнюю завесу, ещё скрывающую истинную цель предприятия Малле. Подлинные документы, которые я прилагаю к настоящим «Мемуарам», отчасти послужат материалами для этого разбирательства.

Над двумя главами полиции много шутили по случаю этой мистификации; следствием её стало то, что полицию ещё настойчивее, чем прежде, называли бесполезным механизмом, поскольку, несмотря на всё огромное устройство, которым она окружена, один-единственный заключённый человек мог составить заговор, подготовить его успех, открыть тюрьмы, проникнуть в казармы, увлечь за собой солдат, заставить врасплох и заключить в тюрьму самых высокопоставленных чиновников; наконец, если бы ему немного больше повезло, изменить судьбу империи. Кто его предупредил? Никто! Какое сопротивление ему оказали? Никакого. Что же помешало осуществлению развязки? Один только случай, а вовсе не полиция, несмотря на всё её пышное выставление напоказ силы, умения и ловкости!

Несомненно одно: герцог Отрантский, хотя отсутствовавший и остававшийся невидимым, был душой этого невероятного предприятия. Подробности, которые я сохраняю про запас, убедят публику в том, что все тайны тысячи и одного события, происходивших во Франции начиная с 1789 года, были постоянным делом неутомимой партии, стремившейся возложить французскую корону на голову, не принадлежавшую прямым потомкам Людовика XIV. Побочная ветвь имела свои шансы и не раз была близка к успеху.

Когда после роковой московской катастрофы Наполеон решил вернуться во Францию, чтобы искать там людей и денежную помощь, все ожидали, что он обрушит всю суровость своего негодования на министра Савари и префекта полиции барона Паскье; однако этого не случилось: один остался на низшей должности, с которой Реставрация позднее подняла его так высоко; а Савари, хотя и осмеянный прозвищем герцога Форса, тем не менее сохранил доверие своего повелителя, к крайнему удивлению придворных и публики. Только одна жертва заплатила за всех в этом случае. Государственный советник, префект Сены граф Фрошо, имевший слабость принять рассказ Малле за истину и вследствие этого отдавший распоряжения предоставить Ратушу в распоряжение временного правительства, был торжественно отстранён от должности после заседания Государственного совета, на котором дело было представлено, рассмотрено и решено.

По мере того как события становились всё печальнее, герцог Ровиго удваивал свою суровость и злобную ярость; он пытался всеми возможными средствами обнаружить заговорщиков: ему уже ставили в вину причастность к смерти монсеньора герцога Энгиенского, Пишегрю, полковника Райта, маркиза д'Аше, столь жестоко выданного госпожой де Вобадон... Ему также ставили в вину то, что он не остался непричастным к избиению жителей города Кана, приказ о котором отдал и которым руководил барон Мешен, бывший тогда префектом Кальвадоса.

Мы не можем также забыть удивительную историю белого негра. Эта история настолько нелепа, что в неё невозможно поверить: однако Савари поверил. Однажды министр полиции получает известие, что убийца, отправленный из Нового Света, должен высадиться во Франции, чтобы покуситься на жизнь императора. Этот человек носит имя Габриэль Тимоте; это кафр, продавшийся английскому кабинету, бывшему королю Швеции, графу Лилльскому

(Людовику XVIII) и российскому императору. Этот негодяй должен убить Наполеона, укол его отравленной иглой, и, наконец, этот отвратительный негр, чтобы обмануть бдительность полиции, умеет по собственному желанию превращаться из негра в белого, затем вновь становится негром, потом белым и так далее.

Немедленно, в соответствии с этим замечательным открытием, министр уведомляет всех префектов, супрефектов, мэров и прочих муниципальных чиновников о мерах предосторожности, которые следует принять для поимки белого негра. И вместо того чтобы схватить белого негра, принадлежавшего к семейству гиппогрифов и прочих химер, схватили множество честных людей, уличённых и изобличённых в незаконном ношении смуглой головы и в преступлении прогулки. Вот вам ещё один прекрасный подвиг в административной карьере господина де Ровиго!

Между тем катастрофа приближалась. Савари в ночь с 30 на 31 декабря 1813 года явился в Тюильри, чтобы представить императору записку, убеждавшую его приказать арестовать депутатов Законодательного корпуса, членов знаменитой комиссии, составлявшей адрес. Он хотел, чтобы их немедленно предали суду и осудили особым судом, кровавый приговор которого был бы приведён в исполнение после двухчасовой отсрочки. Утверждают, что он добавил:

— Государь, это должен быть второй том истории герцога Энгиенского.

— Безумец, — отвечали ему, — тот небольшой успех, который имел первый том, должен отбить охоту давать ему продолжение. Тогда, впрочем, я заключил союз с Победой; теперь же нас разбили.

Удаляясь, Савари прибавил, что если Его Величество изменит своё решение, ему достаточно будет известить его об этом и через три часа дело будет закончено.

Когда Наполеон отправлялся в этот возвышенный и столь роковой Французский поход, Ровиго получил самые неограниченные полномочия. Подлинник этого документа находился у меня в руках. За исключением императрицы и короля Римского, госпож де Монтескью и де Монтебелло, все остальные — мужчины и женщины, вельможи и знатные дамы, даже короли Жозеф и Жером, принц-архиканцлер, принц-архиказначей, сенаторы, министры, государственные советники, рекетмейстеры, аудиторы, депутаты, судьи, военные всех чинов, должностные лица всех рангов — могли быть арестованы, преданы суду и казнены по распоряжению министра полиции, если бы он получил доказательство их явных сношений с неприятелем. В силу весьма странного ограничения рядом с именем князя Беневентского имелась пометка: *Ничего решительного не предпринимать против последнего, за исключением первоначальных мер предосторожности, не доложив предварительно императору, ответ которого должен приниматься только в письменном виде и с обозначением знака, который будет известен герцогу Ровиго: НАП...* Это грозное «Нап.», которое даровало престол или разбивало диадему.

Отчаянные меры, к которым Савари прибегал в последние мгновения своего управления полицией, настолько ожесточили общественное мнение, что, несомненно, как французы, так и союзники обошлись бы с ним весьма сурово. Он это понял. Ужас овладел им, и, что бы он впоследствии ни говорил, исключительно его влияние определило бегство, бесчестие императрицы и падение императорского престола.

Сокрушённый, словно ничтожный обломок среди столь великого крушения, когда он увидел, что дело его повелителя проиграно, он попытался вредить ему, чтобы приобрести некоторые заслуги перед новым правительством; первым проявлением неблагодарности стало то, что он отдалился от Наполеона, и хотя дорога из Парижа в Фонтенбло была свободна от всяких препятствий, хотя Наполеон с отчаянными криками призывал своего верного Ахата, своего доверенного человека, герцог Ровиго не появился. Напротив, во время этого плачевного и рокового крушения империи и императора Савари вёл переговоры о получении прощения от иностранных держав, чтобы новый король продолжил оказывать ему те милости, которыми он пользовался при Наполеоне.

Интриги, начатые в Блуа, где он, всё так же следуя системе своего эгоизма, воспротивился твёрдому решению королей Жозефа и Жерома, желавших закрепиться во Франции и продолжать войну во имя Наполеона или его сына, эти последние и отчаянные попытки потерпели неудачу благодаря содействию, которое Савари, как я уже сказал, оказал недостойной супруге великого человека.

Несмотря на все эти жертвы, Савари на протяжении всего 1814 года не мог приблизиться ко двору. Кровь герцога Энгийенского на этот раз слишком жестоко пятнала его. Тогда, отвергнутый с этой стороны, он повернул назад, принял роль недовольного и вступил в переписку с островом Эльба. Всякий раз, когда он писал Наполеону, он не упускал случая попросить вернуть ему столь дорогое сердцу министерство полиции, а император сохранял по этому поводу приводившее его в отчаяние молчание. В самом деле, после возвращения императора Савари пришлось довольствоваться скромной должностью генерального инспектора жандармерии.

Хорошо бы он сделал, если бы последовал первому совету, внушённому ему досадой; отказ в данном случае избавил бы его от бесславного изгнания, от бесчестного преследования, ибо его видели разъезжающим по Европе в роли красавца и блистательного скандалиста. То здесь, то там он дрался на дуэли или предательски избивал тех, кто имел несчастье обнаружить, сколь мало уважения он им внушал.

Когда в 1819 году граф Деказ сумел осуществить свой тайный замысел вернуть во Францию непримиримых врагов королевской семьи, герцог Ровиго не только получил разрешение возвратиться, но перед ним настезь распахнулись двери дворца; и, к вечному скандалу двора, его вновь увидели бесстыдно появляющимся перед глазами Его Светлейшего Высочества принца Конде.

Но и этого оказалось недостаточно; графиня дю К..., чей возраст должен был бы умерить её легкомыслие, руководимая честным человеком, который, однако, никогда не отличался последовательностью мыслей, виконтом С... де Л... Р..., желая вследствие какой-то неизвестной мне интриги устранить князя Талейрана, которому осторожная проницательность Людовика XVIII собиралась вернуть своё расположение, вообразила, что для окончательного уничтожения его в глазах короля достаточно выставить его виновником смерти герцога Энгийенского. Но поскольку это обвинение было совершенно ложным, удар шпагой не только пришёлся в пустоту, но и ловкий дипломат, подняв перчатку, из обвиняемого превратился в обвинителя, и этот спор, в котором князь заставил вмешаться самого Юлена (1), окончательно возвратил Савари кровавую ответственность, которую тот хотел переложить на другого.

(1) Председатель суда, приговорившего герцога Энгийенского к смерти.

Но на этот раз, как и во многих других случаях, Савари неудачно выбрал своего противника. Он не знал, что за человек господин де Талейран, если только господина де Талейрана можно назвать просто человеком. Прославленный князь простит нам, что мы говорим о нём в прошедшем времени.

Это был удар дубины, сокрушивший герцога Ровиго. После того как он побывал министром полиции и кавалером Большого орла ордена Почётного легиона, ему пришлось отказаться от последних иллюзий и держаться в стороне. Он не вышел из этого уединения при восшествии на престол Карла X; но после нашей славной революции 1830 года он поспешил, подобно столь многим другим, к великой раздаче добычи, устроенной для них, хотя они её не заслужили. С этого времени он был возведён в достоинство пэра.

ПРИМЕЧАНИЕ. Смерть господина Ж. Пёше не позволила ему узнать о конце герцога Савари Ровиго. Последний, после того как управлял Алжиром в качестве вице-короля, скончался 2 июня 1833 года, оставив оправдательные «Мемуары», которые послужат превосходными доказательствами на том обвинительном процессе, который потомство однажды возбудит против него.

ГЛАВА LXVIII

5 АПРЕЛЯ 1814 — 15 МАЯ 1814.

Граф Англес, двенадцатый министр полиции. — Его меры против распространения памфлетов. — Восстановление цензуры. — Господин Мишо назначен цензором. — Постановление о распространении газет. — Дело маркиза де Мобрёя. — Арест королевы Вестфалии. — У неё отбирают сундуки. — Господин де Мобрёй обвиняет графа Англеса в том, что тот решил ему убить Наполеона.

Граф Англес промелькнул во главе министерства полиции с быстротой метеора. Его появление на министерском посту можно упомянуть здесь лишь ради памяти о нём, поскольку, будучи более привязанным к своему благополучию, нежели к славе, он согласился надеть скромный мундир префекта полиции Сены после того, как носил пышное облачение полноправного министра общей полиции.

Наполеон, побеждённый союзниками, терял корону вследствие интриг одного человека, который торговал бы и короной собственного отца, если бы его отец носил корону. Но его отец, как известно, был кем угодно, только не коронованной особой. 3 апреля столь малодушный сенат нанёс льву тот самый знаменитый пинок... Временное правительство, учреждённое в тот же день и составленное из господ де Талейрана-Перигора, д'Альберга, де Монтескью-Фезансака (аббата), де Жокура и де Бёрнонвиля, озабочилось заменой герцога Ровиго графом Англесом, которому пришлось принять скромное звание *комиссара, ведающего департаментом общей полиции*.

Одной из первых забот господина Англеса после вступления в должность было испросить у временного правительства репрессивные меры, чтобы положить конец множеству памфлетов, уже распространявшихся по всей территории страны. Эти памфлеты были направлены как против союзных держав, так и против павшего правительства. Наполеон и люди его царствования становились предметом самой подлой клеветы даже чаще, чем короли, явившиеся с вторжением.

7 апреля 1814 года постановление временного правительства возложило на господина Англеса полицейский надзор за расклеиваемыми объявлениями, афишами и печатными листками, предназначенными для публики. Ни один из этих печатных материалов не мог появиться без предварительно полученного разрешения полиции. Уличные выкрикиватели и разносчики в отношении продажи отдельных листов подчинялись требованию такого же разрешения.

Это означало в некотором роде восстановление цензуры. Другое постановление, принятое в тот же день, установило её с большей откровенностью; вслед за преамбулой в нём говорилось:

«Господин Мишо, член Института, назначается цензором газет, существовавших на 31 марта 1844 года, за исключением официальной газеты («Монитёр», которой эта привилегия была предоставлена с 3-го числа нынешнего месяца, апреля). Он будет осуществлять эту цензуру под началом временного комиссара департамента общей полиции. Правила, касающиеся книжной торговли и типографского дела, будут временно исполняться и соблюдаться во всей полноте на территории королевства под начальством комиссара, временно ведающего портфелем внутренних дел, и комиссара, ведающего портфелем общей полиции».

Также по докладу господина Англеса временное правительство 8 апреля приняло постановление, касавшееся как общей полиции Франции, так и полиции собственно города Парижа.

Постановлением от 10-го числа того же месяца временное правительство передало префектурам и супрефектурам функции генеральных директоров, отдельных директоров, генеральных комиссаров и особых комиссаров полиции. Это означало централизацию данной части власти посредством сокращения числа её звеньев, но одновременно ослабляло надзор. Позднее пришлось вернуться к первоначальному устройству.

Заботливо занимаясь пресечением злоупотреблений печати, новая власть в то же время, руководствуясь превосходными намерениями и должным чувством справедливости, защищала

распространение газет в пределах всех принадлежащих им прав и грозила суровыми карами тем, кто попытался бы воспрепятствовать их распространению. Постановление от 9 апреля гласит:

«Всякий магистрат, какого бы ранга он ни был, всякий член гражданской или военной власти, всякий администратор или вообще любое лицо, которое заявило бы, что действует от имени государя, чьё низложение было торжественно провозглашено 3-го числа текущего месяца, и позволило бы себе препятствовать распространению этих печатных материалов, тем самым лишалось бы своей должности, подвергалось аресту, предавалось суду и преследовалось как обвиняемое в государственной измене».

Исполнение этой меры было нелёгким в то время, когда многие префекты и государственные чиновники ещё оставались привержены интересам Наполеона; но оно было менее затруднительным, чем исполнение другого постановления того же дня, имевшего целью возвратить в королевскую казну средства, вывезенные из Парижа и из нескольких государственных касс департаментов в дни, предшествовавшие занятию столицы союзными войсками.

Господину Англесу было трудно удовлетворить желание правительства в этом отношении. Лица, заинтересованные в спасении своих сокровищ, то есть члены семьи Бонапарта, успели предупредить его действия, и всё, что удалось задержать в нескольких департаментах, свелось к возвращению в государственные кассы нескольких незначительных сумм.

Эти подробности показывают, чем обычно занимался господин Англес за время своего временного министерства; однако ему доставило немало хлопот и одно дело, вызвавшее большой шум, — дело маркиза де Мобрёя, о котором я должен рассказать читателю, поскольку оно относится к эпохе 1814 года.

Шевалье де Мобрёй, маркиз д'Орво, принадлежит к числу тех людей, чьё странное и загадочное поведение всегда заставляет сомневаться как в хорошем, так и в дурном, что о них говорят. Это был бретонский дворянин, служивший в армиях императора Наполеона; он состоял при короле Вестфалии. По-видимому, Мобрёю надоела служба при дворе короля Жерома, и он сделался поставщиком армий; но на этом поприще успеха не имел. Прожив некоторое время в Испании, он вернулся в Париж и оказался там в пору вступления русских войск. В 1814 году он выказал свою неприязнь к павшему правительству и предложил услуги Реставрации: их приняли. Тогда он вызвался исполнить какое-нибудь государственное поручение. В такие времена реакции честолюбие и ложное усердие обычно направляют по этому пути людей, которые, обладая характером господина де Мобрёя, имеют склонность к интригам и полицейским уловкам.

Распространился слух, будто королева Вестфалии увозит бриллианты короны. Искали какого-нибудь ловкого человека, который мог бы напасть на след исчезнувших экипажей, разыскать их и передать в руки правительства. Господин де Мобрёй явился и был принят; вследствие этого министр полиции выдал ему приказ следующего содержания:

Министерство общей полиции.

«Всем властям, ведающим полицией во Франции, генеральным и особым комиссарам и прочим предписывается повиноваться приказам, которые им будет отдавать господин де Мобрёй, и немедленно исполнять всё, что он распорядится, поскольку господину де Мобрёю поручено тайное задание первостепенной важности.

«Временный министр департамента полиции.

«Подписал граф АНГЛЕС».

Снабжённый этими полномочиями и другими, почти столь же обширными, разрешением генерального сборщика почтовых доходов господина де Бурьенна получать лошадей преимущественно перед всяким другим путешественником, имея, кроме того, пропуск от русского генерала Сакена, коменданта Парижа, господин де Мобрёй, сопровождаемый шевалье д'Юсси, также фигурировавшим в этом деле, направляется к Фонтенбло, откуда Наполеон только что

выехал во исполнение договора от 11 апреля 1814 года. По дороге он встретил королеву Вестфалии, супругу Жерома Бонапарта, которая с охранной грамотой от союзных государей направлялась в Германию. Господин де Мобрёй, воспользовавшись имевшимися у него приказами, не колебался задержать принцессу и на её глазах отобрать одиннадцать сундуков, наполненных драгоценными вещами. Часть он отправил в Версаль, а другую послал в Париж на имя господина де Семалле, королевского комиссара, который тотчас распорядился перевезти их в помещения государственного секретариата.

Принцесса немедленно отправила в Париж доверенное лицо, уполномоченное потребовать сундуки и произвести их проверку; однако напрасно в них искали драгоценные бриллианты и сумму в 84 000 франков золотом, которая, как предполагалось, должна была там находиться. Господин де Мобрёй вследствие этого был арестован вместе со своим сообщником д'Юсси, который спустя некоторое время бежал, а позднее был предан суду и оправдан. Господин де Мобрёй также предстал перед гражданским судом департамента Сены, но суд заявил, что по самому своему характеру это дело не должно было выходить из ведения высшей власти, и отказался его рассматривать.

Когда Наполеон вернулся 20 марта 1815 года, положение господина де Мобрёя изменилось; он вышел из тюрьмы. Несомненно, от него надеялись получить какое-нибудь разоблачение, выгодное императорскому делу. Вдруг разнёсся слух, что целью тайной миссии господина де Мобрёя было покушение на жизнь Наполеона, а похищение бриллиантов являлось лишь побочным эпизодом этого преступного предприятия. Господин де Мобрёй, которому позволили бежать, удалился в Бельгию, в Брюссель, где его обвинили в намерении покуситься на жизнь короля, находившегося в Генте.

Различные происшествия осложнили направленное против него преследование; в июне 1816 года полиция получила о нём сведения как об опасном интригане, беспокойном человеке, который ради придания себе некоторой важности не останавливался ни перед каким обманом и преступной уловкой: его арестовали. В 1817 году он предстал перед королевским судом Парижа, который не вынес ему приговора. Кассационный суд, в свою очередь получив это дело, вместо того чтобы прекратить его окончательным решением, вдохнул в него новую жизнь, передав на рассмотрение другого суда; но среди всех этих переходов от одной судебной инстанции к другой он нашёл способ скрыться, не устранив при этом подозрения, что власти содействовали его бегству. Перед королевским судом он повторил то, что уже говорилось относительно поручения, данного ему правительством в 1814 году. Он утверждал, что ему было поручено не разыскивать бриллианты королевы Вестфалии или французской короны, а убить императора, причём, добавлял он, это поручение он принял исключительно ради спасения Наполеона. Он указал на графа Ангlesa как на сторонника плана убийства; своё участие в похищении бриллиантов он пытался оправдать тем, что считал увозимые драгоценности бриллиантами короны. С тех пор он не изменял своей линии защиты и не переставал во множестве опубликованных им сочинений заявлять о своей невиновности в отношении задуманного убийства императора; однако при этом обвинял в нём весьма высокопоставленных особ.

В особенности господин де Мобрёй обвинял графа Ангlesa в том, что тот сплёл интригу и вовлёк его в предательское предприятие, причём эти обвинения выдвигались ещё долго после назначения министра префектом полиции Сены. Это дело стало для господина Ангlesa весьма неприятным будильником; а злоба газет не переставала упорно приводить его в действие. Что касается Мобрёя, которого в последний раз арестовали за то, что он дал пощёчину князю Талейрану в Сен-Дени во время погребальной церемонии по случаю смерти Его Величества Людовика XVIII, то 6 мая 1818 года решением суда Дуэ он был приговорён к пяти годам заключения. Однако в том, что касалось обвинения в замысле убить Наполеона, Мобрёй одновременно лгал и говорил правду. Мы объясним, каким образом. Мы будем пользоваться, однако,

только начальными буквами для обозначения лиц, которые в 1814 году задумали подобное преступление.

Быстрота, с которой только что было низвергнуто колоссальное могущество Наполеона, пугала карликов, сваливших этого великана. Чувство собственной слабости, сознание его силы, ужас перед тем, чем могла бы стать его месть, внушили этим лишённым добродетели людям такой страх, что все они повторяли друг другу страшные слова Барера: *«Только мёртвые не возвращаются»*. Вследствие этого было решено ввиду неотложности дела и из страха перед будущим избавиться от Наполеона при помощи яда или оружия.

Его прежний друг Б..., которого он осыпал благодеяниями, любивший золото так, как любят красивую женщину, и не простивший императору нескольких суровых слов по поводу возмутительных злоупотреблений некоторых генералов; хитрый Т..., тем более страстный враг Наполеона, что тот возвысил его и часто прощал ему его интриги; аббат де М..., слащавый персонаж, который, желая добиться цели, не отказывался ни от каких средств; господин Б..., столь же опасный, сколь раболепный; маршал ..., настолько испуганный собственной неблагодарностью, что не находил ничего лучшего для её искупления, чем очертя голову броситься в преступление; В..., полагавший, что, не приняв участия в двух или трёх политических убийствах, нельзя числиться среди государственных деятелей; знатный вельможа С..., у которого развращённость равнялась глупости и наглости и который спрашивал, какое значение может иметь избавление от Наполеона; наконец, министр А..., столь низменно жаждавший власти, что согласился бы стать палачом, лишь бы в награду ему дали несменяемый министерский портфель. Вот люди, собравшиеся, чтобы поручить какому-нибудь негодяю совершение самого ужасного злодеяния.

Это тайное сборище пополнилось семью иностранцами — англичанином, австрийцем, испанцем, неаполитанцем, пруссаком и русским; все они одобрили преступление и обещали облегчить его исполнение.

- Ну что ж, — сказали собравшиеся, — решено.
- Да, — возразил Т..., — за исключением одной маленькой трудности.
- Какой?
- Сушая мелочь! Кто нанесёт удар?
- Но... первый встречный.
- Пусть так... Как его зовут?
- Ах!..

Все были поражены. Сотню имён назвали, а затем отвергли; никто не знал, кого выбрать. Это затруднение вызывало раздражение; собравшиеся разошлись на поиски.

Возвращаясь к себе, Т... встретил Р... Л... и сказал ему, что люди, которых тот не знает, но которые хорошо заплатят, хотели бы найти человека отважного и толкового, безрассудного смельчака, пригодного на всё и такого, от которого можно было бы впоследствии отречься.

Р... Л... спросил, не для того ли нужен этот человек, чтобы служить другом принца... их величествам.

— Это, мой дорогой, чтобы делать всё что угодно, и в любви, и на войне, чтобы опустошить сундук и отправить к праотцам всякого, кто вздумает воспротивиться.

— У меня есть ваш человек, ибо он разорён и любит сорить деньгами; он упал с высоты и ради того, чтобы вновь подняться на небеса, способен кувырнуться в ад; вы его знаете, это М...

- Этот негодяй!
- Он благородного происхождения; я приведу его к вам...
- Ко мне? Зачем? Всем руководит А...; к А... его и следует отправить.
- С удовольствием.
- Чем скорее, тем лучше.
- Немедленно.

— Вы бесценный человек.

— Порекомендуете меня королю, который прибывает?

— Я вас ему представлю.

Р... Л..., опьянев от радости, отправляется по игорным притонам, находит М..., достаточно безумного, чтобы творить зло, и достаточно рассудительного, чтобы не раскаиваться в содеянном; он разговаривает с ним, наставляет его. Другой говорит:

— Можно заработать деньги! Я к вашим услугам — шпагой или пером.

— Посмотрим.

Они входят к А..., который разглагольствует, запутывается и заканчивает тем, с чего следовало начать.

— Нужно убить Бонапарта, — говорит он.

— О! — говорит М..., — надо полагать, за большую цену?

— Его багаж мы оставляем вам...

— Покорнейше благодарю! Из-за него меня убьют; рисковать жизнью ради убийства — это слава, но мне нужны деньги, притом нужны сейчас же.

А... задумывается; затем, продолжая:

— У нас нет ни гроша; как только все перестали чувствовать на себе взгляд хозяина, каждый стал своевольничать... Кассы пусты; но в будущем году...

— В будущем году! Вы смеётесь... Наличные деньги; нет денег — нет и швейцарца.

А... снова задумывается; затем оживляется, смеётся во весь голос и добавляет:

— Королева Вестфалии следует почти той же дорогой, что и Бонапарт; предполагают, будто она увозит бриллианты короны. Завладейте тем, что у неё имеется; всё будет законной добычей, кроме названных бриллиантов, если они окажутся в её багаже. Во всяком случае, ваша доля принесёт вам добрый миллион; кроме того, вы получите двести тысяч ливров ежегодной ренты, записанной в государственную долговую книгу, герцогство, большую ленту ордена Святого Людовика и орден Святого Духа.

М..., вне себя от восторга: — Я еду... Ах! Мои инструкции?

А...: — Вам предоставлена полная свобода действий.

И действительно, его полномочия умножают; ему выдают авансом 200 000 франков. За одну ночь он проигрывает половину этой суммы; на следующий день на оставшиеся деньги покупает сообщников, около шестидесяти негодяев, бродяг, шулеров, воров, мошенников, убийц — и все они шевалье, маркизы, бароны, графы, виконты, все люди Конде или вандейцы, один-два шуана (из самых честных).

Отправляются в путь, устремляются к Фонтенбло; но там узнают, что Наполеона сопровождает многочисленный конвой. Страх заставляет задуматься. Вдруг мимо проезжает добрая королева Вестфалии. Все бросаются к ней. М..., её прежний офицер, грабит её. Каждый дворянин набивает себе карманы; затем эти молодчики спасаются бегством. Пересчитываются: их двенадцать. Как же добраться до Наполеона! К тому же разгорается алчность. М... хочет отложить захваченную добычу для себя. Он прибывает в Париж, идёт к А... и всё ему рассказывает. Когда он заканчивает, А... сообщает ему, что император России и король Пруссии в ярости и хотят отомстить за королеву...

— Спасайся, — говорит он М..., — я буду тебя защищать.

Но вместо этого он велит преследовать М... Последний идёт к Т..., который приказывает выставить его за дверь; к М..., который велит записать его приметы. Остальное известно; неизвестно лишь то, что два знатных вельможи, Б... и С..., впоследствии поделили добычу, когда у М... всё отобрали. Об остальном смотри выше.

Господин Англес начал организовывать министерство полиции и привлекать к себе нескольких способных людей, когда постановлением от 13 мая 1814 года были упразднены комиссары, ведавшие министерскими департаментами, а ведомство полиции было заменено в

составе министерства внутренних дел простым генеральным директором, которым стал граф Беньо, о котором мы расскажем в своё время. Господин Англес оставался без действующей должности вплоть до второй реставрации короля; однако он не прекращал интриговать. Он был одним из первых, кто предугадал высокое положение, которого достигнет Эли Деказ. С тех пор он привязался к нему; они стали неразлучны, и до такой степени, что во время пребывания графа Англеса на посту префекта полиции тот, пожалуй, лишь восемь или десять раз пытался сыграть дурную шутку со своим близким другом, который, со своей стороны, проявлял большую деликатность, скрывая от него предложение занять место графа Англеса, которое он делал колебавшемуся депутату, желая склонить его на свою сторону.

ГЛАВА LXIX

25 СЕНТЯБРЯ 1845 — 29 ДЕКАБРЯ 1818 ГОДА.

Граф-герцог Эли Деказ, тринадцатый и последний министр полиции. — Несколько слов о его семье. — Его женитьба на дочери первого председателя Кассационного суда, а затем на мадемуазель де Сент-Олер. — Его роялизм в 1814 году. — Преследования бонапартистов. — Его поведение в деле Лабедуайера. — Его вкрадчивое поведение при Людовике XVIII. — Назначение министром полиции. — Его проект исключительного закона от 18 октября 1815 года. — Дело господина де Лавалетта. — Его поведение в избирательных делах. — Дело Дидье. — Арест генералов Канюэля и Донадьё и господ де Рьё, де Сонжи, де Шапделена, де Ромийи и де Жоанниса. — Приём господина Деказа у МЕСЬЕ. — Тайная переписка полиции в Лондоне. — Граф де Бомон-Бривазак. — Господин Гайд де Невиль. — Господин Деказ, министр внутренних дел и председатель совета. — Его обращение с чиновниками-роялистами. — Назначение пэров. — Убийство герцога Беррийского. — Господин Деказ в Лондоне. — Неприятности, которые он там испытал.

Немногие люди, даже при имперском правлении, достигали почестей и богатства столь стремительно, как граф Эли Деказ. Назначенный при империи сперва судьёй, затем советником парижского королевского суда, потом секретарём по приказам короля Голландии Людовика Бонапарта, а вслед за тем — госпожи Матери, королевским добровольцем в 1817 году, префектом полиции, министром полиции, министром внутренних дел, председателем совета, кавалером Большого орла ордена Почётного легиона, кавалером ордена Святого Духа и королевских орденов, герцогом и пэром, послом в Англии — вот кем последовательно был господин Деказ; вот кем сделали его Бурбоны, которым граф-герцог отплатил самой чудовищной неблагодарностью.

...К чему только не принуждаешь сердца смертных,

Проклятая жажда золота!...

Этому старому объяснению человеческой подлости здесь самое место, как и во множестве других случаев.

Родившийся в 1780 году в Сен-Мартен-ан-Ле, в департаменте Жиронда, округе Либурн, Эли Деказ после окончания учёбы в Вандоме отправился в Париж. Красавчик, чрезвычайно заботившийся о своей наружности и умевший пользоваться преимуществами роста, манер и ума, он в 1805 году женился, хотя не имел состояния и происходил из семьи, мало уважаемой в родных краях, на дочери первого председателя Кассационного суда. По-видимому, брак стал необходимостью в интересах мадемуазель М...

Этот союз открыл господину Деказу путь к судейской карьере и доходным должностям. Позднее, после смерти первой жены, он по прямому желанию Людовика XVIII женился на мадемуазель де Сент-Олер, приходившейся по матери внучкой владельческому князю Нассау-Саарбрюккенскому. Этот новый и столь блестящий союз, придавший столько блеска простолудинскому гербу господина Деказа, расчистил ему дорогу к ещё большим почестям. Он оказался обладателем супруги, столь же знатной по имени, сколь выдающейся по своим личным досто-

инствам, хозяином громадного состояния и получил возможность прибавить к своим титулам титул герцога Глюксбургского в Дании и так далее.

До своего возвышения господин Деказ был связан с семейством Наполеона; но впоследствии он почти не проявлял сочувствия к великим несчастьям императора. В 1814 году он покинул своих благодетелей, а год спустя вместо того, чтобы сохранять нейтралитет, его увидели королевским добровольцем, неблагодарно сражавшимся против великого человека, перед которым он прежде преклонялся, и отвечавшим насмешками на упрёки в его поведении.

Известно, что, когда один из советников парижского королевского суда попытался доказать обоснованность и силу императорского титула, сославшись на стремительность марша от Канн до Парижа и на рвение населения, приветствовавшего Наполеона по пути, господин Деказ со смешком ответил, «что до сих пор он не знал, будто законность власти служит наградой победителю в беге».

Обладавший приятными манерами и наружностью, за которыми, однако, всё же угадывался буржуазный и пошлый тип провинциального щёголя, господин Деказ понравился королю, любившему красивых молодых мужчин и сменившему прелестного д'Аваре блестящим Блакасом, а последнего — франтом Деказом. Итак, в 1815 году господин Деказ был советником королевского суда и капитаном парижской национальной гвардии. 20 марта он собрал свою роту и ознакомил её с последним воззванием короля, изданным при отъезде из Парижа; он призывал солдат остаться верными белому знамени и клялся, что скорее позволит изрубить себя на куски, нежели даст заставить себя присягнуть трёхцветному флагу. Однако именно это он и сделал в 1830 году, и вместе с ним слишком многие другие поступили так же, чтобы нам стоило особо останавливаться ещё на одном клятвопреступлении в биографии господина Деказа.

После отъезда короля, когда двор вновь стал императорским, господин Деказ, удалившийся в Бордо, принялся за жалкие роялистские заговоры, как впоследствии он вмешивался в не менее смешные заговоры, именовавшиеся либеральными. Едва ему сообщили исход битвы при Ватерлоо, он во весь опор возвратился в Париж и нашёл там короля, который также возвращался. Этот государь, узнав о поведении господина Деказа, оказал ему знак уважения и доверия, назначив его префектом полиции на другой день после своего возвращения в Париж, 9 июля 1815 года.

Поведение господина Деказа на этой важной должности несло на себе отпечаток эпохи и событий, среди которых он находился.

Злополучная реакция того времени повсюду умножала аресты, преследования и месть; всё это делало обязанности префекта полиции тяжёлыми и опасными. Господин Деказ, мало доступный жалости и забывший времена, когда он был столь преданным, следовало бы сказать — столь раболепным, если речь шла об интересах императора, проявлял свирепое ожесточение в преследовании тех, кого называли бонапартистами. Он был одновременно ловок и жесток, щедро платил за доносы и почти ни одному изгнаннику не давал покоя. Все, кто во время Ста дней открыто объявил о верности делу прежнего повелителя, при жестоком режиме кровавой полиции господина Деказа подвергались преследованию и травле, словно дикие звери. Невозможно достаточно сурово осудить такое преувеличение министерской строгости, и ради чести короля, от имени которого творились эти дела, хотелось бы думать, что отчасти они были вызваны грубым усердием человека, готового самому стать палачом, если бы он счёл, что таким образом сможет возвыситься.

Именно этот человек посредством своих расследований сумел обнаружить убежище несчастного Лабедуайера. Я сказал — посредством расследований, но должен также сказать, каким отвратительным злоупотреблением доверием они были довершены. Граф Деказ, обещая своё покровительство и вмешательство ради помилования Лабедуайера, обманул доверчивость одной подруги этого несчастного офицера. Место его убежища было выдано. Министр поли-

ции тотчас отправил туда своих ищек. Полковник был арестован. Развязка этой трагической истории известна.

В одном полицейском донесении, составленном после 1820 года, я прочёл, что господин Деказ так поспешил привести в исполнение смертные приговоры двадцати трём осуждённым в Гренобле из опасения, как бы не раскрылась его причастность к заговору, сплетённому Дидье и орлеанистской партией. Ниже я расскажу всё, что могу об этом открыть.

Чем беспощаднее он становился, чем больше жестоких мер принимал на собственный счёт, тем сильнее во дворце заблуждались относительно истинного характера господина Деказа. МЕСЬЕ, с роковой доверчивостью, восхвалял добрые чувства маленького Деказа, как он называл его в переносном смысле, ибо в действительности высокий рост префекта полиции скорее позволял сравнить его с каким-нибудь великолепным егерем знатного дома.

Поэтому никто из чистокровных роялистов не воспротивился прихоти короля, прививавшего префекту полиции любовь к Горацию. Последний ежедневно развлекал, забавлял и занимал короля, открывая ему семейные тайны. Это был способ понравиться, которым не мог пренебречь человек с характером господина Деказа: если бы он полагал, что тем самым увеличит расположение к себе, то, при случае, усладил бы слух монарха рассказом о собственном бесчестии. В его предательских записках проходили двор и город, духовенство и актёры. Пикантные любовные истории, бросавшие тень на священную одежду священника, особенно охотно представлялись Людовику XVIII, который с удовольствием видел во всей наготе комедию, действующие лица которой даже не подозревали, что он о ней осведомлён. Множество недостойных клеветнических выдумок попадало в эти донесения, и нетрудно понять, что для министра это был удобный случай удовлетворить свою личную ненависть.

Он рано начал подкапываться под друзей МЕСЬЕ, едва заметил, что король их не любит. Почтенный аббат де Латиль стал первой его мишенью; затем господ де Витроля, де Монморанси (Матьё), де Бональда, де Клозеля де Куссерга (трёх братьев) и кардинала де Ла Фара представляли королю мятежниками, готовыми свергнуть его, чтобы возложить корону на голову его брата.

Людовик XVIII, всё сильнее привязывавшийся к маленькому Деказу благодаря его любезности, красивому лицу и прежде всего знанию латыни, которое, освежаемое знаниями господина Вильмена, часто приходило на помощь собственной латыни короля, решился назначить его министром полиции в конце 1815 года. Наконец, король сделал больше, ибо возвёл господина Деказа в близкое положение фаворита, а герцогу де Блакасу, отправленному в отставку, пришлось утратить надежду не только восстановить своё влияние, но и в сколько-нибудь скором времени возвратиться во Францию. Блестящие посольские назначения возместили ему потерю должности, но не утешили его.

Получив министерский портфель, господин Деказ понял, что в столь бурные времена невозможно будет руководить полицией королевства, не внося изменений в законы о личной свободе, то есть в тот закон, который обязывал представителей власти не производить арестов без немедленной передачи обвиняемых их законным судьям и разбирательства дела по законам королевства.

Вследствие этого 18 октября 1815 года он представил палате депутатов проект исключительного закона, призванного разрешить министру полиции и его агентам арестовывать и содержать под стражей лиц, обвиняемых в преступлениях против особы или власти короля, королевской семьи и безопасности государства.

«Предлагаемый вам закон, — говорил он выборной палате, — имеет целью придать действиям власти, обязанной охранять самые священные интересы общества, безопасность государства и престола, всю силу, необходимую для разрушения преступных козней и предупреждения покушений тех людей, которым чужды угрызения совести, которых не смягчает прощение, не возвращает на верный путь предложенное милосердие, до которых не может

добиться правосудия, потому что его благотворные, но медлительные формы делают его бес-
 сильным предотвращать преступления, а слишком часто даже пресекать их, и потому что эти
 люди, скрывающиеся во мраке, направляют своих сообщников, нередко становящихся их жерт-
 вами, лишь посредством тайных пружин, неизвестных даже самим их исполнителям».

...Этот пафос, эта путаница слов, где шутовской тон идёт рука об руку с оскорбительным
 презрением к общему праву, имели все шансы сделать своего автора столь же ненавистным,
 сколь смешным, если бы во время составления этого проекта мнения и чувства могли выска-
 зываться хоть с какой-нибудь свободой.

Но террор реакции царил повсюду: и в семьях, и в палате. Закон, для которого приведён-
 ный нами отрывок служил вступлением, закон, который господин Деказ остерёгся бы предло-
 жить, если бы не был уверен в его принятии, был утверждён тут же, на заседании, 27-го числа;
 переданный пэрам, он был принят ими в тот же день. 29-го числа его обнародовали: вот как
 этот либерал понимал либерализм.

Конституционная партия в палате и общественное мнение за её стенами единодушно воз-
 мущались этим законом, хотя и с такими предосторожностями, которые превращают жалобу
 в бесплодный протест; к тому же закон был временным, поскольку должен был утратить силу
 с началом следующей сессии, если бы не получил нового утверждения. Это была вершина
 произвола. Его возможные последствия испугали даже создателя столь насильственной меры.
 Немедленно чиновникам полицейского ведомства разослали осторожный циркуляр для успо-
 коения тревог; начали с фраз, чтобы затем с большей выгодой перейти к действиям.

Господин граф де Лавалетт, генеральный директор императорской почты, был аресто-
 ван и 30 ноября 1815 года предстал перед судом присяжных Парижа по обвинению в содей-
 ствии покушению 20 марта предыдущего года и в том, что в тот же день, с девяти часов утра,
 силой завладел своей прежней должностью, изгнав с неё назначенного Людовиком XVIII графа
 Феррана. Суд приговорил господина де Лавалетта к смерти, и он находился в Консьержери в
 ожидании исполнения приговора; но милосердие бодрствовало над ним. Король захотел спа-
 сти его и предоставил честь этого госпоже де Лавалетт, проявившей в роковых обстоятель-
 ствах удивительные энергию и хладнокровие. Особенно помогли ей в этом предприятии трое
 великодушных англичан, пожелавших разделить славу такого прекрасного самопожертвова-
 ния, — сэр Уилсон, сэр Хатчинсон и сэр Брюс; следует упомянуть также господина Б..., риск-
 нувшего своим будущим ради сладкого удовлетворения вырвать несчастного из рук палача.
 Подробности этого знаменитого бегства слишком хорошо известны, чтобы я излагал их здесь.
 Поэтому не стану возвращаться ко всему, что касается этого события. Для господина Деказа
 оно стало поводом к упрекам и почти обвинениям со стороны ультрароялистов на заседании
 палаты депутатов 23 декабря (осуждённый бежал 20-го). Там предложили обязать министра
 полиции и министра юстиции (господина Барбе-Марбуа) представить документы, касавшиеся
 бегства, а позднее обсуждали вопрос о том, не создать ли комиссию, которая на основании
 представленных сведений рассмотрела бы поведение министров.

Все роялисты полагали, что граф Деказ действовал в согласии с семьёй Лавалетта; но они
 заблуждались. Я не знаю внутренних, сокровенных намерений министра полиции; однако могу
 утверждать, что агенты одной весьма высокопоставленной особы, с которой граф Деказ уста-
 новил тесные связи, убеждали этого сурового министра не отговаривать короля ни от одной
 строгой меры и, напротив, умножать притеснения либералов, чтобы их приписывали королев-
 ской семье, духовенству и дворянству, ибо это облегчило бы революцию, которую замыслили.
 Такова была главная причина всех суровых приговоров, которые с августа 1815 года до конца
 августа 1816 года повергали Францию в ужас и смятение. Это было не порождением чувств
 правителей, а отвратительным следствием дьявольского расчёта комедиантов пятнадцати лет.
 Настанет день, когда страшные разоблачения заклеят виновных; пурпур, если они его носят,

не послужит им убежищем. Неумолимая история сорвёт с них маски и подвергнет их бичеванию.

Вскоре на графа Деказа пало ещё более тяжёлое обвинение. Закон об амнистии, суровый в некоторых своих положениях, но в целом освобождающий и милосердный, был обнародован 12 января 1816 года. Можно ли поверить, что в тот же самый день министр полиции подписал и велел разослать циркуляр, уничтожавший благожелательные предписания закона? Статья 5 этого циркуляра гласила: «Настоящая амнистия не распространяется на лиц, против которых преследование было возбуждено до обнародования настоящего закона. Преследования будут продолжены, а судебные решения приведены в исполнение согласно законам».

Закон этот, говорили, был обнародован 12 января, и, следовательно, амнистия распространялась на всех обвинённых в связи с событиями 20 марта, против которых ещё не возбудили преследования. Между тем в этот день господин Деказ говорил своим чиновникам: «Вы можете до обнародования закона об амнистии продолжать все преследования за политические преступления, какие окажутся необходимыми ввиду тяжести обстоятельств, обвинений и, прежде всего, ради назидательных примеров. Вы предложите господам королевским прокурорам приступить к следствию по собственной инициативе, чтобы поставить обвиняемых в то особое положение, которое предусмотрено указанной статьёй 5».

Никогда не предпринималось меры более жестокой и коварной; никогда ни деятели Тераора, ни ультрароялисты не додумывались отнимать посредством ускорения следствия право воспользоваться амнистией. Вся пролитая кровь, все слёзы, пролившиеся в то время, были делом графа Деказа и проистекали из его ненавистного циркуляра. Ни один чиновник не погубил столько несчастных; именно он с помощью телеграфа приказал устроить гренобльскую бойню, о которой я расскажу впоследствии; именно он своими донесениями поддерживал строгость короля по отношению к Нею, Мутону-Дюверне, Лабедуайеру, Шартрану и другим. Все эти кровавые деяния совершались тогда, когда он своим влиянием мог им воспрепятствовать; но он этого не сделал. Напротив, как мы только что сказали, ему было выгодно умножать казни. Не знаю, под воздействием какого ослепления подлинные либералы доверяли ему; впрочем, теперь они вполне освободились от этого заблуждения.

В ту эпоху, о которой я говорю, беспристрастные обвинители господина Деказа спрашивали себя, не повинен ли министр, написавший подобный циркуляр, в нарушении самого священного закона — закона королевского милосердия. Разве не очевидно, с полным основанием говорили они, что, хотя законы, предписывающие что-либо, становятся обязательными лишь после того, как о них станет известно, закон, объявляющий государеву милость, вступает в действие с самой минуты его утверждения, поскольку единственная его цель — выражение воли государя, и цель эта достигается, как только он подписывает закон. Всякая попытка должностных лиц помешать его действию становится преступлением, наказуемым как оскорбление государя и как причинение ущерба тем, кого он милует; подобный поступок есть не что иное, как акт бесчеловечности и попытка воспрепятствовать монарху воспользоваться королевской прерогативой.

Вот какие упрёки вызвал этот гнусный циркуляр; ему суждено было навсегда погубить графа Деказа в общественном мнении, что в действительности и случилось, хотя писатели, нанятые министром полиции и оплачиваемые из секретных фондов, пытались в бесчисленном множестве брошюр оправдать графа Деказа, по крайней мере приписывая ему благие намерения. Граф Деказ был не только человеком, одержимым честолюбием, но и опасным фанатиком. В самом деле, монархии, которой он должен был служить, он причинил больше зла, чем могли бы причинить самые откровенные её враги: он только и стремился отдалить от Людовика XVIII его истинных слуг.

Господин Деказ не щадил ничего, что могло помочь ему удержать королевское расположение и завоевать благосклонность роялистов; его видели приводящим во дворец свою бли-

жайшую родственницу, спекулирующим на прихотях короля и на бесчестии одной из членов собственной семьи; однако, если с этой стороны он одержал победу, охотно предавшись позору, то в отношении роялистов потерпел неудачу. Последние вскоре разгадали его интриги с комедиантами пятнадцати лет и, несмотря на все его заискивания, неизменно ему не доверяли и втайне презирали, не имея мужества на большее.

Граф Деказ уважал избирательный закон не больше, чем закон об амнистии; он без конца писал, отправлял агентов, раздавал должности и назначения, деньги, награды, титулы, чтобы запугать или подкупить тех, кто стоял у него на пути; он смещал с должностей, преследовал, заключал в тюрьмы и разорял всякого, кто осмеливался ему противостоять. То он соблазнял избирателей, то угрожал им. Каждый год избирательный закон переделывали, неизменно стараясь сделать его менее народным, ибо министр полиции ненавидел людей своего сословия с ожесточением выскочки. Он стремился отстранить от выборов верных слуг короля, заменив их либералами, продавшимися орлеанской фракции, третьей партии, независимой от семьи этого имени и ей чуждой, хотя с 1789 года она трудится в её пользу. Доходило, говорят, до того, что он наполнял избирательные коллегии лицами, не имевшими необходимого имущественного ценза, тогда как целые толпы людей, отвечавших требованиям закона, он добивался исключения из списков. Но мы лишь слегка касаемся этих мошенничеств, несмотря на их политическую важность и серьёзность, ибо, когда речь идёт о подобных беззакониях, самые преступные махинации считают безобидными шалостями, и в избирательной коллегии из государственных соображений безнаказанно совершают то, на что в частной жизни не решились бы из спасительного страха перед каторгой.

Подлинные заговоры или заговоры, спровоцированные агентами министра полиции, со своей стороны вызвали многочисленные и продолжительные обвинения. Если бы мы захотели проследить все подробности этого предмета, нам не было бы конца. Я вовсе опустил бы его, если бы он не принадлежал к истории общей полиции.

Дерзкое предприятие Дидье в департаменте Изер, о котором я расскажу ниже и тёмные стороны которого разьясню самым убедительным образом, можно было бы предупредить, если бы люди, расставленные на местах как служащие господина Деказа, сами не стали участниками заговора.

В доказательство небрежности полиции приводили обстоятельство, о котором Дидье сообщил во время лионского следствия (см. ниже, главу LXXIII). Из одного донесения следует, что 20 октября 1815 года в Париже собралось большое число представителей периода Ста дней; что в этот день они приняли решение просить российского императора о конституционном короле, избранном вне старшей ветви дома Бурбонов; что на этом собрании общество учредилось под названием «Патриоты 1816 года»; что общество постановило направить нескольких представителей по департаментам для подготовки умов к восстанию и переменам; что руководящий комитет будет находиться в Париже или его окрестностях; что этот комитет станет создавать удобные поводы для восстания и в нужное время и в нужном месте передавать необходимые распоряжения.

Таково первое объяснение происхождения общества, основанного под названием «Патриоты 1816 года». Этот клуб не был бы учреждён, говорили противники министра полиции, он не подверг бы государство опасностям и не увлёк бы в пропасть пятьдесят человек, в большей или меньшей степени виновных, если бы господин Деказ и его полиция исполняли свой долг, а не доверялись врагам правительства.

Заговорщики Пленье, Карбонно и Толлерон, принадлежавшие к самым значительным «Патриотам 1816 года», правда, были арестованы, преданы суду, осуждены и отправлены на эшафот ещё до осуществления своего замысла; но министру и действовавшему по его приказам господину Англесу ставили в вину то, что они позволили заговору сплестись, чтобы тот приобрёл преступный характер. Их обвиняли также в употреблении с этой целью агентов-провока-

торов, среди которых называли некоего Шлештейна, самого виновного из тех, кому полиция поручала эти гнусные задания. Вот некоторые обстоятельства.

По-видимому, некая женщина по имени Дельмас первой уведомила префекта полиции Англеса о том, что тайно готовилось. Участникам заговора требовался гравёр для изготовления патриотических карточек; им указали на Толлерона. Толлерона отвели в Шайо, где он увидел образец карточек, которые предстояло изготовить. Патриотам также стало известно, что некто Карбонно, прежде служивший секретарём одного из полицейских бюро, а затем ставший учителем, обладал красивым почерком, и они выбрали его для переписывания воззваний, которые Пленье предназначал к распространению по департаментам.

Карбонно согласился на всё, чего от него потребовали. Пленье указал каменоломню, в которой предполагалось спрятать типографию. Карбонно, Толлерон и Пленье испытывали нужду, и хотя осуществление замысла сулило им большие надежды, они вели тогда самую жалкую жизнь.

Шлештейн, состоявший при префектуре полиции агентом-provокатором, получил поручение сблизиться с возможно большим числом патриотов, внушать им мужество, поддерживать их надежды и, прежде всего, сделать так, чтобы заговор приобрёл большее значение.

Из материалов этого отвратительного дела видно, что доверие, которое внушил заговорщикам полицейский агент, перед которым они раскрылись, побудило этих людей, ещё неуверенных в своих целях и бессильных в средствах, действовать в направлении, угодном господину Деказу. Толлерон начал гравировать карточки, Карбонно — переписывать воззвания, а печатник по имени Шерса, которого Шлештейн присоединил к ним, помогал в печатании. Кроме того, Шлештейн вербовал патриотов в трактирах и загородных кабаках. Он убедил несчастных невежд, большей частью не умевших ни читать, ни писать, будто затевается великое дело, на котором они смогут нажить несметное состояние.

Пленье привели к господину Деказу. Рассказав ему, что происходило в последние дни, Пленье вдобавок описал неизвестного человека, Шлештейна, столь услужливого и щедрого, которого ввели в общество. Министр, получавший от того же человека сходные донесения, оставил Пленье играть прежнюю роль, а другому дал денег, чтобы тот продолжал дело. Это можно было бы назвать ловкостью, если бы не было злодейством.

Вследствие этого Шлештейн предложил участникам нападение на дворец Тюильри как меру, которая только с виду представлялась дерзкой, а на деле была легко исполнимой. По его словам, он разыскивал достаточно искусную руку, способную правильно и по всем правилам искусства вычертить план дворца, который он уже снял и на котором нужно было обозначить слабые места. Предатель заранее велел одному полицейскому агенту изготовить этот план и передал его одному из участников, чтобы тот снял копию. Когда копия была готова, подлинник исчез. Именно копия фигурировала среди материалов судебного процесса.

Между тем Пленье, сам того не зная предававший товарищей и полагавший, что говорит с другом, сообщал господину Деказу о предложениях и планах Шлештейна. Когда агент-provокатор, раздававший патриотические карточки всюду, где только мог, узнал час, в который Деруэн, отставной офицер, которому поручили скопировать план дворца, должен был передать копию, он велел арестовать его, а вместе с ним Толлерона с гравированной доской для карточек и, наконец, Карбонно и Пленье.

Эти люди были весьма удивлены своим арестом после всего, что происходило между ними, полицией и господином Деказом; тем не менее их заключили под стражу без права общения с кем-либо как обвиняемых в заговоре и оскорблении величества.

После продолжительного заключения в арестном помещении префектуры полиции их передали в распоряжение королевского прокурора Жакино де Памплюна, друга господина Англеса. Господин Жакино де Памплюн прекрасно знал свою роль и остерегся во время след-

ствия углубляться в обстоятельства, которые могли бы поставить под сомнение ответственность префекта и министра полиции.

На допросе перед следственным судьёй патриоты узнали, но слишком поздно, что этот незнакомец, толкавший их к мятежу, этот столь ожесточённый враг правительства, был агентом-provокатором, двуличным негодяем, называвшимся то Шлештейном, то Дювалем и, несомненно, носившим ещё множество других имён.

Можно представить удивление и негодование этих несчастных против графов Деказа и Ангlesa, которые, расставив столь подлую западню, злоупотребили их невежеством, нищетой и доверчивостью. Когда их привели в суд, который впоследствии их осудил, они потребовали явки гнусного полицейского агента. Несмотря на сдержанность и робость судов, когда в ходе дела приходилось открыто допрашивать подобных агентов, председатель суда присяжных (1), воспользовавшись своим правом действовать по усмотрению, вызвал Шлештейна в заседание; но найти его не удалось: он исчез. Таким образом полиция парализовала действия правосудия. Господин Деказ устранил свидетеля. Шлештейн получил фальшивый паспорт, вымышленное имя и немалые деньги. Затем его отправили в Германию, где он шпионил за французскими изгнанниками.

(1) «Это скотина Роза купила мне слишком маленькую бумагу». (Примечание автора.)

В рукописи господина Пёше в этом месте находится столь необычная заметка: мы сохраняем её; болезненное состояние, в котором он тогда находился, вполне объясняет вспышку нетерпения, вызванную необходимостью беспрестанно переворачивать листы: действительно, бумага здесь меньше, чем в остальной части рукописи. (Примечание издателей.)

Эти преступные происки, повторённые двенадцатью годами позднее во времена мнимой законности, вызвали всеобщее негодование. Господа Деказ и Англес встретили эту бурю с медным лбом. По приговору от 7 июля 1816 года Пленье, Карбонно и Толлерон были осуждены на отсечение кисти руки и головы. Других обвиняемых постигли ссылка и иные наказания.

До самого последнего дня трём главным осуждённым не давали никаким образом выразить свои чувства; их держали в одиночном заключении; ослабляли ужасными средствами; закрывали им все пути к королевскому милосердию. Их поспешно повели на казнь; и, чтобы подавить справедливый и яростный взрыв их негодования, им сказали, что по прибытии на эшафот им объявят о замене наказания, но что всякого из них, кто поднимет шум, предоставят всей строгости закона. Эти несчастные, вновь обманутые, умолкли и распознали эту последнюю и столь отвратительную ловушку лишь тогда, когда их заставили на ней споткнуться. Это выражение, к несчастью, буквально, ибо роковая опрокидывающаяся доска унесла их последнюю надежду. До самого часа, когда их привязывали к доске, они верили в помилование, которому не суждено было прийти.

Настоящие роялисты, и совершенно справедливо, вовсе не были благодарны министру Деказу за его мнимые услуги и систему преследований врагов короля, ибо такая система компрометировала их, и притом они не сомневались в сообщничестве министра с осуждёнными. Все были убеждены, что господин Деказ поступал так, чтобы возвысить себя в глазах двора; точно так же полагали, что господин Деказ перешёл бы на сторону заговорщиков, если бы те добились успеха. В этом общественное мнение совпадало со здравым смыслом. Как объяснить, в самом деле, такое долготерпение министра полиции, если не считать его причиной двуличие проводимой им политики? Если бы заговор подавили в самом зародыше, заговорщикам грозили бы лишь исправительные наказания. Но тогда не пролилась бы кровь, а пролить её было необходимо, чтобы показать усердие и преданность на случай, если измена окажется невозможной.

Другие факты, возможно менее предосудительные, также вызвали горячие протесты против министра полиции. Последний, не находя покоя из-за ультрароялистов, прекрасно разга-

дывавших его происки, попытался ответить обвинением, объявив, что в их рядах возник заговор против королевской власти.

Эта новость сначала не распространилась в Париже: о ней узнали из корреспонденции английской газеты «Таймс» от 27 июня 1818 года. Ниже мы увидим, что представляла собой эта частная корреспонденция, ставшая одним из главных обвинений против господина Деказа, ибо он пользовался ею как бесчестным оружием для уничтожения роялистов посредством клеветы. Вот отрывок, о котором я уже вскользь упоминал:

«Уже два дня по Парижу ходит слух самого необычного свойства. Говорят о некоем заговоре ультрароялистов, который будто бы удалось пресечь в самом начале, если верить наиболее распространённым слухам. Антифранцузская фракция, желающая любой ценой отсрочить эвакуацию территории, будто бы допустила заговор, столь же преступный, сколь нелепый и неисполнимый».

В частной корреспонденции «Морнинг кроникл», исходившей из той же мастерской и также датированной 27 июня 1818 года, можно было прочесть:

«В Париже ходит слух, будто в Сен-Клу раскрыт заговор. Его зачинщиками будто бы были ультрароялисты, а целью — заставить короля сойти с престола и возвести на него МЕСЬЕ. Средством осуществления этого преступного замысла предполагалось сделать подкуп королевской гвардии и швейцарских гвардейцев, о которых известно, что они столь преданы МЕСЬЕ».

Судя по частным корреспонденциям, планы этих заговорщиков всё разрастались. Вот что сообщала корреспонденция «Таймс», датированная Парижем, 2 июля следующего месяца:

«В среду, 24 июня, после заседания королевского совета в Сен-Клу министров предполагалось арестовать отрядом гренадеров де Ларошжаклена и доставить в Венсенский замок. Часть третьего гвардейского полка под командованием полковника Бертье де Совиньи и часть второго швейцарского полка должны были расположиться цепью на дороге из Сен-Клу в Венсен. Не менее приблизительно трёх тысяч человек, состоявших из телохранителей, вандейцев и добровольцев-роялистов, должны были собраться в тот же час на площади Карусель, откуда по первому приказанию отправились бы арестовывать министров и различных государственных чиновников, намеченных заранее.

Как только первая часть этого плана была бы осуществлена, если бы король (мужество и твёрдость которого известны) отказался от отречения, заговорщики решили бы поступить с ним, как с Павлом. Генерал Канюэль должен был стать военным министром; генерал Донадьё — командующим парижской дивизией; господин де Шатобриан — министром иностранных дел; господин де Виллель — министром внутренних дел; господин де Брюж — морским министром; господин де Фиц-Джеймс — министром королевского двора; господин де Лабурдонне — министром полиции и так далее. Говорят, что Его Величество выразил горячее негодование; в самом деле, никто не может представить себе пределов дерзости и наглости этой гибнущей и преступной партии».

Подобные разоблачения производили печальные последствия, хотя их преувеличенность неизбежно заставляла сомневаться в искренности сказанного; правда, некоторые роялисты, доведённые до крайности мерами господина Деказа, губительными для монархии, которые тот не переставал проводить (мы выше сказали с какой целью), позволяли себе неосторожные речи; но между раздражением и мятежом — огромное расстояние. Никто из них, а тем более вместе с ними, не поднял бы знамя восстания.

Между тем утверждали, будто имеются доказательства, и 2 июля арестовали четырёх обвиняемых. Генерала Канюэля арестовали лишь 25-го числа; он скрывался, а генерал виконт Донадьё получил предписание о явке только 3 сентября следующего месяца. Господина Канюэля держали в одиночном заключении тридцать семь дней; господа де Рьё, де Сонжи, де Шапделен, де Ромийи и де Жоаннис, также арестованные, оставались там сорок дней. Преданные парижскому королевскому суду, все они были оправданы. Постановление, вынесенное 3 ноября

следующего месяца, гласит: «Нет оснований назначать дополнительное следствие; нет оснований для обвинения господ Канюэля, Рьё, де Сонжи, де Ромийи, де Шовиньи, де Бло, Шапделена, Жоанниса, Донадьё и других, без всякого основания обвинённых в заговоре против особы короля и безопасности государства».

Министр полиции, зачинщик этого дела, оказался посрамлён. В нём распознали его руку, его влияние и его честолюбие, которое ради подчинения себе короля и гибели монархии не колебалось приносить в жертву подлинных друзей Бурбонов. Только на этот раз, при такой игре, ставки были огромны и направлены против господина Деказа. Ободрённый значением, которое придало ему дело Пленье, он считал, что теперь вправе отваживаться на всё. Но на этот раз он не мог воспользоваться средствами, уже принёсшими успех (кляпом и подкупом самих жертв). Господин Деказ подвергся публичным насмешкам; в этой неудаче ему даже не досталось чести той ненависти, которую он вполне заслужил. Те, кого он намеревался погубить, простили его ради чести королевского дома, к которому принадлежал министр полиции.

Министерство тогда состояло из следующих лиц: иностранные дела — герцог де Ришельё; хранитель печатей — барон Паскье; внутренние дела — господин Лене; флот — господин Моле; военное министерство — Гувийон-Сен-Сир; финансы — господин Корветто; полиция — господин Деказ. Король обязал этих господ в полном составе явиться к МЕСЬЕ. 6 июля они увидели принца не подавленным, как надеялся господин Деказ, а спокойным и суровым, как того требовали обстоятельства. Он говорил твёрдо и, пристально глядя на министра полиции, сказал, «что все должности заняты одними якобинцами и бонапартистами, что роялистов отталкивают, что всё указывает на приближение гибели монархии под руководством развращённого человека, который не побоится продать её честолюбивой партии».

Холодное достоинство принца, горделивый вид его телохранителей, которые охотно выбросили бы врага своего повелителя из окон, заставили членов совета как можно скорее покинуть дворец, настолько они опасались, что их оттуда не выпустят. Господин Деказ перепугался до такой степени, что пришлось заменить обивку внутри его кареты, а ему самому по возвращении в особняк Мазарини — переменить бельё; он был бел как саван, и зубы его не переставали стучать. МЕСЬЕ много смеялся, когда ему рассказали об испуге господина Деказа.

С этого мгновения министр полиции, вернее же антикоролевская партия, пользовавшаяся им, с ещё большим рвением принялась плести заговоры против МЕСЬЕ. На этот раз замыслили ни много ни мало как заставить МЕСЬЕ покинуть королевство и отказаться от своих прав на престол в пользу герцога Ангулемского, как только иностранные войска будут выведены согласно Парижскому договору. Эта кощунственная мысль была развита, тайно сообщена четырём великим державам, представлена им в самом выгодном свете; наконец, уже начали обрабатывать самого короля. Некая дама по имени П..., соперничавшая в его благосклонности с госпожой дю К..., должна была стать посредницей.

Между тем господина Деказа считали душой и движущей силой этих интриг. Для него и его сторонников важно было удерживать короля в ослеплении и прежде всего не допускать уничтожения так называемого представительного правления, при котором податливость средств подкупа предоставлена усмотрению людей, достаточно ловких, чтобы всегда оставаться в рамках закона, ни на мгновение не переставая действовать несправедливо. Следовательно, чем лучше представлен народ, тем тяжелее его бремя, поскольку благодаря этой конституционной машине его уполномоченные становятся его сотрапезниками, а Бог ведает, какую долю средств они пожирают! В 1789 году народ платил на треть меньше налогов, чем платит с 1850 года.

Главным редактором тайной корреспонденции был граф де Бомон-Бривазак, внук председателя парламента Бордо с судейской шапочкой. Ещё во времена империи герцог Ровиго назначил его генеральным комиссаром полиции сперва в Барселоне, затем в Генуе, а господа Беньо и Дандре последовательно направляли его в Экс и Лион, когда в 1814 году состояли генеральными директорами полиции. Этот человек был довольно ловок и хитёр, но в остальном

— жалкий сочинитель. Письма, которые он составлял по заметкам, записанным на оборотах игральных карт, столь же плоски, сколь и низки. Господин де Бривазак проживал в Лондоне и лично следил за печатанием «Тайной корреспонденции» в «Таймс» и «Морнинг кроникл», каждая из которых получала вознаграждение в сто тысяч франков (я видел расписки) за то, чтобы пачкать свои страницы этой клеветой.

Кроме того, министр держал в Лондоне своего племянника, человека ничем не примечательного и посланного туда, несомненно, для наблюдения за поведением господина де Бривазака. Материалы корреспонденции составляли в Париже, почти всегда при участии самого министра. Надёжный агент, ехавший в дилижансе или почтовой карете в зависимости от важности пакета, отвозил письма в Кале и вручал их господину Морису д'Эскалонну, сыну советника Тулузского парламента; этот господин Морис был специальным комиссаром полиции в Кале. Затем он отправлял депеши в Лондон на имя Бривазака. Некто Триган де Латур также получил от графа Деказа поручение отправиться в Лондон для переговоров с доктором Стоддартом, владельцем и главным редактором газеты под названием «Нью-Таймс». Этот доктор был человеком посредственных знаний, тяжеловесным роялистом, вполне преданным партии ультрароялистов и, следовательно, стоявшим по взглядам и склонностям напротив господина Деказа; поэтому посланец, прибывший с такой пышностью, не сумел добиться того, чтобы частная корреспонденция пачкала страницы «Нью-Таймс». Ей пришлось и далее бесчестить две гнусные газеты, оценившие свою честность на вес золота. Господин де Бривазак сохранил за собой это отвратительное занятие и продолжал жить в Лондоне, где поддерживал отношения с неким Голдсмитом, своего рода тайным полицейским агентом Бонапарта. Вскоре я расскажу об этом последнем, который основал в Лондоне скверную газету под названием «Антигалликан монитор». Господин Деказ, постоянно разыскивавший мошенников и людей без имени и положения, захотел нанять этого газетного писаку, что было нетрудно сделать за несколько луидоров: на соответствующую сумму возросли расходы тайной полиции.

Эта частная корреспонденция, в которой была мешанина истинных и ложных фактов, ненадёжных и неполных донесений, выдуманных анекдотов, обрезанных рассказов и искажённых слов, причём всё диктовалось партийным духом, имела своими главными агентами в Париже неких Ленге, Лагарда, Мирбея, Лурдуа, Бенабена и других, словом, доверенных лиц господина Деказа, щедро оплачивавшего подобные услуги. Одним из тех, кто особенно ощутил их выгоду, был маркиз д'А...гон; никто не знает, куда девались огромные суммы, которые он получил от господина Деказа.

Кроме своих обязанностей по помещению частной корреспонденции в английские газеты, Бривазак вёл из Лондона, где он находился, политическую переписку с господином Деказом о политике и слухах, ходивших по столице Британской империи. Он заботился о том, чтобы включать туда низости принцев английского королевского дома и знатных вельмож. Министр показывал эти письма Людовику XVIII, который много забавлялся ими, поскольку хорошо знал почти всех героев и героинь этих скандальных приключений. Господин Деказ неизменно пользовался этим способом, чтобы ещё более отравить душу Его Величества враждебностью к его августейшему и добродетельному брату.

Именно от господина де Бривазака король узнал об ужасной клевете, распространяемой против земного ангела — МАДАМ, герцогини Ангулемской. Министр пользовался этой корреспонденцией также для поддержки дела, которому посвятил себя, и чтобы сохранять у бонапартистов надежду, твёрдо рассчитывая, что в нужную минуту, если они увидят невозможность вернуть на престол Бонапарта, у них останется герцог Орлеанский вместо МЕСЬЕ и его сыновей. Вот что я могу рассказать по этому поводу.

Господин маркиз д'Осмон, французский посол при английском дворе, говорили роялисты, к тому же отлично осведомлённые, сообщал о предпринимаемых в Лондоне действиях для отправки с реки Делавэр (реки в Соединённых Штатах Америки) экспедиции бонапартистов

на остров Святой Елены, чтобы похитить Наполеона. Господин де Бривазак извещал своего начальника о тех же обстоятельствах и имел приказ посылать депеши таким образом, чтобы они приходили к министру полиции на двадцать четыре часа раньше донесений господина д'Осмона министру иностранных дел.

Едва корреспонденция поступала к господину Деказу, он переделывал её по своему усмотрению и отправлялся к королю сообщить ему, что бонапартисты, интригующие за морями, не только не представляют опасности, но являются его собственными агентами; что это его шпионы-provokatory, которые, ничего не предпринимая по существу, хотя и создавая видимость деятельности в пользу Наполеона, служат лишь тому, чтобы разорять и изнурять доверчивых и легковверных бонапартистов.

Что же происходило в действительности? Вот что, и я рассказываю об этом на основании подлинных актов, которые в эту минуту лежат перед моими глазами и из которых я извлекаю эти важные разоблачения.

В 1818 году один французский офицер по имени Латапи, изгнанный из Франции, на средства бонапартистского комитета построил на Делавэре суда, чьи мачты легко разбирались и укладывались на палубу, а пушки были погружены в самую глубину трюмов, так что корабли новой конструкции могли незамеченными приблизиться к водам острова Святой Елены.

Разные интриги, закупки оружия и простаивающих в наших портах кораблей, опыты с необыкновенными механизмами, позволявшими человеку преодолевать огромное расстояние без опасности, производились даже в башнях собора Парижской Богоматери и на вершине парижской башни Сен-Жак. Об этих махинациях сообщали королю герцог де Ришельё и господин Лене — первый как министр иностранных дел, второй как министр внутренних дел; но Людовик XVIII, заранее обработанный господином Деказом, отвечал на предостережения благоразумия: «Я всё знаю, здесь нет ничего опасного».

Дело дошло до того, что один из посланцев господина Деказа в Нидерландах, завладев запиской, которую вёз изгнанный французский офицер, некто Верньоль, обнаружил в ней план восстания на острове Святой Елены против Хадсона Лоу. Этот человек, обрадованный своей находкой, отправил её министру полиции, который велел ответить ему, чтобы он больше не смел ступать на землю Франции под страхом состариться и умереть в темнице. Напротив, в случае если его покорность будет соответствовать переданным приказам, ему обещали назначить пожизненное содержание в шесть тысяч франков. Этот негодяй после падения господина Деказа приехал жаловаться в Париж.

Предприятие с восстанием казалось более чем безрассудным — я хочу сказать, смешным, и всё же успех его был вероятен, если верить записке, по причине различных второстепенных обстоятельств, которые в совокупности способствовали бы его достижению. Едва господин Деказ обдумал содержание этого важного документа, страх овладел им. В самом деле, если предположить, что его агент допустил какую-нибудь нескромность относительно существования и обнаружения этого документа, полиции оказалось бы непросто оправдаться в таких обстоятельствах; господин Деказ, хотя и с крайним неудовольствием, решился представить указанную записку королю...

Другой человек сказал бы правду; господин Деказ ни к чему не мог подступить прямо. Вот какую небылицу он рассказал королю: он сказал, что этот памфлет вышел из его собственных канцелярий, где был составлен по его приказу, и что он отправил его в Брюссель, чтобы окончательно установить, кто из бонапартистов принадлежит к спокойным, а кто — к неисправимым представителям партии.

Людовик XVIII и на этот раз сделался жертвой плутовства своего фаворита; и в конечном счёте, если похищение Наполеона не состоялось, король обязан был этим лишь присутствию господина Гайда де Невилля в Соединённых Штатах.

Он был нашим послом у англоамериканцев, и без содействия предусмотрительных и решительных мер, принятых английским министерством, замысел мог бы осуществляться совершенно безопасно. Господин Деказ один хранил бы тайну этой экспедиции; её попытались бы осуществить и, по всей вероятности, с успехом.

Так желал ли господин Деказ возвращения Наполеона? Нет, но он хотел, пользуясь именем императора как средством, утратить этим возвращением европейские державы и склонить их согласиться на замену старшей ветви Бурбонов младшей, ибо это был единственный способ сделать возвращение Бонапарта невозможным, лишив его всякого смысла.

Пока плелись эти интриги, господин Деказ, который должен был считать герцога де Ришельё своим первым благодетелем, употреблял свою ловкость и все средства, доставляемые ему полицией, для того, чтобы погубить главу совета в глазах короля. Наконец он добился своего; герцог де Ришельё, возмущённый этими подземными интригами, отказался продолжать борьбу с предательством. Он оставил министерство, состав которого был изменён. Тогда господин Деказ получил министерство внутренних дел и вскоре сделался председателем совета.

Едва вступив в управление внутренними делами, он поспешил сместить чиновников-роялистов. Он заменял их людьми бонапартистских или орлеанистских убеждений. Своим генеральным секретарём он назначил протестанта Гизо, который объявил войну на уничтожение всякому чиновнику, известному благочестивой приверженностью к королю. При обновлении состава мэров во главе коммун вновь поставили старых якобинцев; повторно впадшие в преступление цареубийцы, чьё второе преступление не имело оправдания, возвратились тотчас после того, как граф де Серр объявил, что им никогда не будет позволено вернуться.

Невозможно не увидеть во всей совокупности этих фактов самого полного выражения тайных намерений господина Деказа, ныне осуществившихся. Поскольку от короля, чья щедрость к своему любимцу превзошла всякие пределы, ему уже нечего было получать, граф Деказ рассчитывал на будущую измену, которую облегчал себе, окружая себя предателями того же рода.

Палату пэров вновь открыли всем тем, кто, к соблазну всей Европы получив в 1814 году от Людовика XVIII достоинство пэра, согласился во время Ста дней заседать в рядах узурпаторского пэрства. Со всех сторон в палату депутатов звали комедиантов пятнадцати лет. На всех должностях можно было увидеть республиканцев, бонапартистов, орлеанистов, доктринёров, равнодушных, но только не роялистов.

Чтобы досадить МЕСЬЕ, граф Деказ купил у князя Талейрана, из скупости согласившегося на эту маленькую подлость, непристойные мемуары последнего герцога де Лозена — негодяя, который, прожив жизнь в разврате, кровосмешении и прелюбодеянии, подлю изменил своему Богу, своему королю, велел истреблять вандейцев и, наконец, был наказан республикой за преступление, совершённое на её службе. Господин Деказ надеялся, что скандал, вызванный публикацией, ещё более увеличит его значение, но его надежда была обманута, и он приобрёл только порицание, бесчестье и позор.

Но могущество его укреплялось, и этот второй Аман мог предвидеть своё падение лишь в том случае, если бы обрушилось само небо. Лстецы возносили ему фимиам, словно идолу; он тем более горько переносил нравственное превосходство роялистов. Особенно невыносима была для него слава господина де Виллеля; последний становился его ежечасным кошмаром. Господин Деказ, предчувствуя способности такого врага, не дожидаясь, пока они обнаружатся, чтобы начать с ними борьбу. Уже по наущению министра господина де Виллеля отстранили от должности мэра Тулузы; словом, господин Деказ всеми средствами старался погубить господина де Виллеля, когда ужасное событие своей страшной и сокрушительной ответственностью прибавилось ко всем обвинениям, тяготевшим над графом-герцогом, и принудило его исчезнуть. Ибо, по возвышенному выражению господина Клозеля де Куссерга, его нога поскользнулась в крови.

Но прежде чем перейти к ужасной катастрофе, ознаменовавшей падение министра внутренних дел, покажем его врагом личной свободы посредством закона от 29 октября 1815 года. Этот закон подвергал каждого гражданина суровости тайных приказов об аресте, которые должны были подписывать три министра. Добавим, что он также приводил в исполнение закон от 18 января 1816 года, призванный окончательно умертвить печать и наложивший на Францию ненавистную тиранию, установив в ней идеал цензуры.

15 февраля 1820 года, в день прискорбной памяти, среди опьянения и безумия масленичного понедельника, Его Королевское Высочество монсеньор герцог Беррийский при выходе из Оперы около одиннадцати часов вечера был предательски убит неким Лувелем. Чёрная завеса скрывает обстоятельства, предшествовавшие этому преступлению; подстрекатели неизвестны... **НО Я ИХ ЗНАЮ И ОДНАЖДЫ НАЗОВУ ИХ.**

Все документы, относящиеся к этому несчастному делу, прошли перед моими глазами; я собрал их в отдельной ячейке, и когда в 1830 году канцелярии префектуры полиции были разграблены, именно эту ячейку опустошили первой. Таким образом, всё, что относилось к делу Лувеля, исчезло. Первой, которую разграбили во время революции 1830 года, была именно она, всё пропало, всё, кроме того, что я случайно сам извлёк и отложил в сторону. Пусть виновные трепещут: с них сорвут маски!

Принц крови Франции, единственный, кто мог дать потомков этой августейшей династии, был до такой степени оставлен полицией без защиты, что чутьё роялистов немедленно побудило их обвинить господина Деказа в убийстве этого несчастного принца. Бумаги, находившиеся при Лувеле, исчезли сразу после того, как графы Англес и Деказ приблизились к убийце.

Обвиняемый красноречивым Клозелем де Куссергом и защищаемый фразами графа де Сент-Олера, господин Деказ проиграл своё дело перед Францией, чей всеобщий крик изгнал его из министерства. Напрасно, чтобы удержаться на посту, он на следующий день после преступления внёс в собравшиеся палаты законопроект, отдельные положения которого низводили французов до положения рабов; но какое ему было дело до их свободы, ведь он стремился сохранить власть и богатство. Эта отвратительная и столь недостойно своекорыстная жертва лишь окончательно уронила его в глазах общества. МЕСЬЕ объявил королю, что как отец он больше не может видаться с господином Деказом. Госпожа герцогиня Ангулемская как сестра выразила такое же отвращение, а голос всей Франции прозвучал для короля ещё громче.

Пришлось уступить этому проявлению общественного духа; фаворит, терзаемый отчаянием и яростью вместо угрызений совести, удалился, осыпанный милостями своего повелителя. Будучи уже герцогом и пэром, он получил вдобавок обещание ордена Святого Духа при первом награждении, а затем и посольства в Англии. Но всё это не могло утешить его после невозполнимой потери всемогущества. Среди королевских милостей я забыл упомянуть титул государственного министра и дарование в 1823 году суммы в девятьсот тысяч франков господину Деказу для уплаты долгов, сделанных им, по его словам, во время пребывания в министерстве. Известно также, что Людовик XVIII расточал свои милости и подарки госпоже Пренсто, сестре герцога Деказа.

При этом министре полиция не поднялась из того презрения, в которое впала в последние годы империи. Её, и с полным основанием, упрекали в преступном использовании агентов-provokаторов и в расточении глупых средств ради возникновения необычайных событий, таких как мнимое покушение на особу Веллингтона и столь нелепо выдуманные заговоры тайных обществ. На рассмотрение судов поступало несколько дел, в которых явное вмешательство людей полиции было обнаружено и доказано, как в деле Миллиара. Этот бывший офицер императорской армии возвращался с Поля Убежища (1); он был недоволен, и, следовательно, не было ничего легче, чем устроить ему ловушку, в которую этот несчастный не мог не попасть.

(1) Это Поле Убежища было одной из сотни либеральных мистификаций, которыми руководящий комитет пользовался, чтобы выманивать деньги у простаков. Я был в их числе. Получили пятьсот или шестьсот тысяч франков; тридцать или сорок тысяч из них раздали разъездным приказчикам, которым поручили сбор этого налога, наложенного на общественную доверчивость; остальное отправилось пополнять шкатулку Перретты. (Примечание автора.)

Два агента, Клиньяр и Воверлен, были использованы безуспешно, ибо полиция пожаловалась от этой отвратительной махинации лишь позор и презрение. Известны также денежные дожди, первые псары и вся череда небывлиц с того света, которыми забавляли парижских зевак. При министерстве господина Деказа, но не его заботами, было учреждено Королевское общество по улучшению тюрем. Он представил его план королю в докладе от 9 апреля 1819 года.

Герцог Деказ отправился в Лондон; там он встретил одни неприятности. Придворное общество признаёт только чистокровное дворянство и питает отвращение к выскочкам. К тому же знали, что министр находится в немилости; отсюда произошли скрытые оскорбления, обидные нарушения его преимуществ, шуточки над величественными манерами Его Превосходительства; словом, он уронил там уважение к Франции.

Отозванный позднее, когда возобладали система, совершенно противоположная его собственной, и не сумев снискать расположения Карла X, он сблизился с герцогом Орлеанским и либеральной партией, на которую и стал работать. Потому-то с самой революции 1830 года он переменял сторону. Полагаю, что со временем король французов вознаградит его за услуги, которые он не переставал ему оказывать.

Пусть меня не обвиняют в суровости при описании жизни господина Деказа. Я не только не преувеличивал обстоятельств, но, напротив, был снисходителен; он это прекрасно знает, и я убеждён, что он не потребует от меня доказать, насколько менее снисходительным я мог бы быть.

ГЛАВА LXX

Различные анекдоты. — Записная книжка господина Паскье. — Герцог Орлеанский возвращается во Францию. — Ему возвращают его апанажи. — Он ухаживает за господами Лафайетом и Бенжаменом Констаном. — Слова генерала Дюбура. — Людовик XVIII в семейном кругу. — Новоселье у одного высочества. — Триумвират в шкатулке. — МАДАМ и сестра милосердия. — Как становятся цареубийцами. — Угрызения совести и прощение.

Прежде чем представить череду генеральных директоров полиции, сменивших министров, которым был вверен этот портфель, а также прежде чем приступить к жизнеописаниям префектов полиции, занимавших этот пост после господина Ангlesa, я считаю необходимым предложить читателю, ради разнообразия предмета, ряд анекдотов, способных развлечь и заинтересовать его. Все они относятся к моей теме; в них будут содержаться весьма важные разоблачения. Некоторые слишком известные факты я оставлю в стороне: я расскажу об их причинах. Прежде всего я постараюсь подтвердить их достоверность всеми средствами, имеющимися в распоряжении историка. Думаю, что таким образом оправдаю ожидания читателя.

Реставрация придала французской полиции совершенно новый облик. Никогда ещё подобная перемена не происходила столь быстро и столь разительно. В мгновение ока подозреваемые и заключённые поменялись ролями с теми, кто держал их в оковах или под надзором, а последние, в свою очередь, тотчас испытали на себе суровость законов, исполнения которых прежде так строго добивались. Впрочем, следует признать, что при первом своём появлении Реставрация проявила великодушие, довольствуясь тем, что разбила цепи, которые носили её друзья, и поначалу не обрушилась на тех, кто был ей враждебен.

Тем не менее потрясение было страшным; слишком много людей оказались замешаны в прежних делах, чтобы могло быть иначе. Но во время этого кризиса следует прежде всего воздать должное господину Паскье. Не доверяя победившей партии, он употребил последние

часы своего управления на то, чтобы изъять из дел все имена тайных агентов, заклеимённых званием шпионов и связанных с людьми, которым поворот обстоятельств предназначил войти в состав нового двора.

Этот тяжёлый и добросовестный труд снискал барону Паскье благосклонность, которой он пользовался в царствование Людовика XVIII. Когда этот монарх по прибытии своём удостоил тайной аудиенции императорского префекта полиции, ловкий администратор извлёк из-под мундира небольшой томик с золочёным обрезом, в великолепном переплёте, и поднёс его королю, сказав, что «король найдёт в этой записной книжке имена, звания, адреса и сведения обо всех мужчинах и женщинах любого положения, которые с 1790 года до настоящего дня имели сношения с полицией; что он предупреждает короля, что из любви к миру и ненависти к скандалу уничтожил всякое иное доказательство этих связей; что единственным хранителем этого драгоценного документа будет сам король, поскольку он не оставил себе ни одной копии».

Его Величество почувствовал всю ценность такого подарка в тогдашних обстоятельствах; он понял, насколько важно ему теперь, когда пришло время наград, в точности знать, кто в глубине души оставался верен, а кто не раз предавал. Полагают, что именно из этого арсенала происходили некоторые антипатии монарха; можно сказать, что если эта книга была драгоценна как источник политических сведений, то она должна была повергать в отчаяние и человека, которому стали известны все измены и у которого, быть может, не оставалось ни одного друга, если только у королей вообще бывают друзья и если, кроме того, книга не содержала лжи: ради чести господина Паскье мы должны верить в её правдивость, хотя он, по всей вероятности, не вписал самого себя в эту летопись.

Отсюда произошли злоключения Ф... Б..., графа де Б... Б..., шевалье де Ф..., шевалье д'А..., нимца Ф..., графа де Ф... и множества других, которые подняли громкий крик, горько жаловались и даже судились с королём, но так и не примирились ни с Его Величеством, ни с общественным мнением.

С другой стороны, господин П.... сохранил в глубине одного из дел с дюжину имён, принадлежавших наполовину старым придворным, наполовину дамам прежнего режима. И те и другие — одни из страха во времена Конвента и Директории, другие поддавшись увлечению в наполеоновскую эпоху — решились рассказывать парижской полиции то, что сообщал им главный роялистский комитет, либо сведения, поступавшие к ним непосредственно из Хартвелла. Несомненно, все эти люди, которым по их общественному положению предстояло играть значительную роль при новом дворе, были бы навеки от него отстранены, если бы король узнал, что они его предали. Они чувствовали себя неловко; они уже обращались через посредников к Савари, но тот ответил уклончиво, поскольку ничего не нашёл в картотеках. Какова же была их радость, когда господин П.... при одной встрече объявил им, что новое правительство не знает об их проделках; что король также не имеет о них никакого представления, а их переписка находится только у него, господина П....; что он вовсе не намерен пользоваться ею, чтобы их скомпрометировать; что, однако, он сохраняет её исключительно с целью побуждать их служить ему. Эти господа, обрадованные подобным разъяснением, перестали дрожать; и мы видели, каким стремительным возвышением были вознаграждены ловкость и скромность господина П....

Господин П.... применял к своим друзьям приём, достойный водевиля, который, несмотря на всю его отчаянную пошлость, оказывается в высшей степени действенным. Мы никому его не рекомендуем, но доводим до всеобщего сведения.

Когда Бурбоны вернулись во Францию, они забыли о герцоге Орлеанском; но этот принц, который сам себя не забывает, при первом дошедшем до него известии, как известно, отправился в путь, высадился в Марселе, одолжил мундир дивизионного генерала, чтобы провести смотр войск, который сам же и приказал устроить, затем отправился с той же целью в Лион,

повсюду требуя оказания положенных ему почестей. Так он добрался до Мо или Мелёна. Там он остановился и возвестил о своём присутствии письмом, которое написал Людовику XVIII.

Король немало позабавился собственной забывчивостью и тотчас позволил принцу возвратиться ко двору; одновременно он вернул ему владение всеми его апанажами, чего вполне мог бы и не делать, поскольку нация, с одной стороны, уплатила долги Эгалите, а с другой — упразднила апанажи, так что, по справедливости, принцу нечего было требовать.

Итак, именно нация вновь наделила господина герцога Орлеанского достоянием, а Его Величество дозволил нации это сделать. Это было далеко не последнее пожалование, которое нации предстояло сделать Орлеанскому дому.

Герцог Орлеанский остановился на этот раз в особняке Гранж-Бательер, где его посетили старые друзья; им он сообщил, что лишь ненадолго заглянул в Париж, поскольку спешит в Англию ходатайствовать перед принцем-регентом о низложении Мюрата и восстановлении в Неаполе сицилийских Бурбонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.